

Вячеслав
ЖУКОВ

Мачор ВОЙНЫ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Владимирович Жуков

Топор войны

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134585
Топор войны: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-02651-7

Аннотация

Маньяками, как известно, не рождаются. Димон – по прозвищу Конопатый – уж никак не предполагал, что впишется в их число. Но... жизнь заставила. А что еще прикажете делать, если лучший друг закапывает тебя живым в могилу? Поневоле воскреснешь из мертвых, чтобы отомстить всем живым. И Конопатый начинает мстить – хладнокровно убивать всех, кто встает на его пути...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вячеслав Жуков

Топор войны

Часть 1

Глава 1

Умытый июльским теплым дождем город еще только просыпался, и автобусы встречали первых пассажиров гостеприимно раскрытыми дверями.

На остановке, возле железнодорожного вокзала, в один из таких автобусов вошел человек, одетый в дорогой импортный костюм, с большой дорожной сумкой в руке. Он пробежал глазами по пустому салону, выбирая сиденье почище, плюхнулся на одно из них и рядом водрузил свой здоровенный баул.

Водитель хоть и видел это, но ничего не сказал. Вообще-то, этот пассажир ему не понравился: сразу прокомпостировал талон за проезд, чего по утрам никогда не делало местное мужичье, зная, что в такую рань никакой силой не выгонишь на линию контроль; взгляд настырный, по сторонам смотрит настороженно, как будто чего-то опасается.

Водитель со злостью глянул на него и отвернулся, принимая пассажира за крутого. Крутых он не любил и боялся. Старался с ними не связываться. Только вот непонятно, почему этот крутой не поехал на такси. Станный какой-то этот пассажир, головой крутит по сторонам. Но вскоре на остановках стали заходить люди, и водитель уже не обращал внимания на этого пижона в шикарном костюме. И даже проглядел, на какой остановке он вышел.

А человек с сумкой вышел на остановке «Фабричная». Проводил автобус долгим взглядом, настороженно огляделся по сторонам и закурил. Казалось, он никуда не спешит. То и дело перебрасывая сумку из одной руки в другую, он пошел по тротуару мимо новеньких многоэтажек по направлению к старому кварталу на окраине города.

На одной улице, сплошь состоявшей из доживавших свой век двухэтажек, человек с сумкой остановился и долго глядел на один дом. На его лице было заметно волнение. И вдруг его тронутая сединой голова склонилась, и по щекам потекли слезы... Но так он простоял недолго. В одной из квартир первого этажа громко прозвенел будильник, а через несколько минут из подъезда вылетел парень лет шестнадцати, посмотрел на часы и побежал к автобусной остановке. Кажется, он что-то забыл, потому что на первом этаже открылось окно, и из него высунулась всклокоченная женская голова.

– Коля! – крикнула женщина, помахав свертком, а мужчина с сумкой в руке вздрогнул, поднял голову, посмотрел.

Парень так и не обернулся. Его белые кроссовки уже мелькали в переулке возле остановки, куда подкатил автобус. А женщина застыла, увидев человека с сумкой. Потом она опасливо оглянулась в комнату и быстро закрыла окно. А через минуту уже стояла рядом, от растерянности не находя места рукам.

– Ты?! – спросила, как будто не верила своим глазам.

Он улыбнулся, нежно провел широкой ладонью по ее русым волосам.

– Здравствуй, сестренка. – Хотел поцеловать ее в щеку, но почему-то не поцеловал. Может, сестра и не захочет этого. И так близко не подходит. Остановилась шагах в трех, а взгляд мечется, словно хочет она что-то сказать, но не знает, как сделать это потактичнее, чтоб не ранить его в самое сердце.

– Здравствуй, Коля. – Быстро оглядела брата с головы до ног и опустила голову. Теперь и у нее глаза заблестели.

– Постарел ты, – произнесла она скорее с жалостью, чем с упреком. Знала ведь: жизнь у него не сладкая была. Оглянулась на окна своей квартиры. И опять опустила глаза. Столько лет не виделась с братом, а теперь вот не зовет, не приглашает. Нехорошо это. И сказала оправдываясь: – Коля, ты извини, что не зову тебя в дом...

Он – ни слова в укор. Понимал все, догадывался. Хотя в глубине души надеялся, что не такой будет их встреча.

– Понимаешь, сегодня должны переехать на новую квартиру. Сами на узлах сидим.

– Да у вас вроде и тут условия неплохие. Я смотрю и на первом этаже комнатку отхватили.

– Муж на расширение подал. А тут как раз соседка с первого этажа умерла. Но дом старый, плохой. Штукатурка с потолка сыплется. Зато теперь нам отдают четырехкомнатную квартиру в новом доме. Представляешь? Я всю жизнь мечтала о такой.

Николай догадывался, о чем сестра не хочет говорить. В конце концов, ему всегда нашлось бы место здесь, в их трехкомнатной квартире; тем более что приехал всего лишь в гости.

Вся причина такого негостеприимства сестры была в ее муже. Он – директор крупного завода. И ему родственник с судимостями не нужен. Не раз сестра пыталась поговорить с мужем о брате, но он и слушать ничего не хотел о нем. Судимый, да еще за убийства, – это проблемы с милицией и прокуратурой, а в результате негативно отразится на его авторитете.

И сестра не смогла больше юлить, призналась:

– Не сердись на меня, Коля. Боюсь я. Боюсь мужа. В газетах про тебя такое писали... – Она не договорила. Но слова ее – как приговор. Поэтому голос его зазвучал несколько резковато.

– Что писали? – спросил, заранее представляя, каким монстром постарались изобразить его газетчики. Для них все люди с криминальным прошлым – бандиты, убивающие людей за грош.

– Ты не ответила. Что писали? – повторил он вопрос, но произнес его уже мягче. Ведь сестру тоже можно понять: она хоть и не отвечает за непутевого брата, но и ей пережить пришлось много чего. На свиданки не приезжала, а посылки и письма присылала. Не забывала. Это уже потом писать перестала, когда затерялся его след.

– Писали, что ты людей убивал. Ну и всякое такое... – Лена не стала договаривать, что подразумевалось под «всяким таким». Ему, может, неприятно, когда кто-то лишний раз напоминает о его «боевых подвигах». А человек он неплохой – это Лена знала с детства. Хотя столько лет прошло. Людям свойственно меняться, и не всегда в лучшую сторону. И все-таки зря писать не будут. Но если даже половина из того, что написано, правда – страшный человек он тогда.

Николай опять закурил, с грустью посмотрел на окна маленькой квартиры, в которой жил когда-то вместе с сестрой и матерью. Но все это было когда-то, в прошлом.

– Про меня больше писали того, чего в действительности не было. Хотя врать не стану – убивать приходилось. Но убивал я подонков. Да и выбора у меня не было. Знаешь, как бывает: или ты, или тебя. Я выбирал – первое. – Его слова были похожи на исповедь. Исповедь уставшего человека. Уставшего от всего: от постоянных мытарств, пустой суеты, беготни от ментов, необходимости убивать.

Но, слушая его, Лене становилось страшно. У нее другая жизнь, и она боялась. Боялась из-за него потерять семью, мужа, поэтому должна была сказать:

– Не надо, Коля. Я сейчас живу нормальной жизнью. Когда тебя тогда посадили, долго привыкала к тому, что люди в меня тыкали пальцем – сестра убийцы. Я даже чуть не поте-

ряла любимого человека. Боюсь я, Коля. Ты уж извини. В Москве тебя бандиты ищут. А от Москвы до нас – рукой подать. У меня двое детей. Сын, ты его видел, он мимо прошел. И дочка тринадцати лет. Я боюсь... – повторила она, плохо скрывая злость. – Думаешь, я поверю, что ты приехал сюда просто так?

Николай не стал ни оправдываться, ни переубеждать сестру. Понял: бесполезно. И отчуждение ее оправданно. Он притушил ногой окурок и предложил:

– Лен, тебе ведь для переезда деньги нужны. Ну, и детям купи что-нибудь от меня. – Он достал из сумки пачку долларов, протянул сестре. Очень хотелось, чтобы она взяла, хотя особенно и не надеялся. Ведь Лена была гордая всегда.

– Возьми, Лен. Тут тысяча. От меня, – попросил он, но сестра взглянула сердито.

– Нет, Коля. Не надо. Мы живем, не бедствуем. Извини, но мне надо идти. Сейчас муж проснется.

– Да, да. Иди. Да и мне пора. – Николай улыбнулся и, вздохнув, кивнул головой, словно этим жестом попрощавшись с ней.

– А ты надолго сюда приехал? – уже вдогонку бросила Лена, обернувшись и посмотрев на спину Николая за кустами акации.

Он ответил, не остановившись и не обернувшись:

– Не знаю еще. Как получится. – Голос его прозвучал отчужденно. Теперь и сестра Лена ушла в прошлое.

В городе было несколько небольших, но довольно уютных гостиниц. Но Николай не решился воспользоваться их услугами. В гостинице ты всегда на виду: во сколько ушел, во сколько пришел – все под бдительным оком портье. А сдавая ключ, даешь шанс вездесущим горничным покопаться в твоих вещах. И есть еще один недостаток: уж так повелось, что все городские гостиницы под колпаком у ментов, которые держат там своих стукачей. Поэтому Николай решил подыскать себе частную квартиру. Такой вариант временного проживания был удобнее всего. И долго блуждать в поисках не пришлось. На Парковой улице сидевшие возле одной пятиэтажки старухи указали ему подъезд и назвали номер квартиры, которую хозяева собирались сдать. После недолгих переговоров и оплаты за месяц вперед он поселился в довольно приличной двухкомнатной квартире с видом на городской парк, густо заросший зеленью.

Остаток дня Николай провел на балконе с пивом и сигаретами. Иногда одиночество нравилось ему. Никто не раздражал, не мешал, не лез в душу.

Сверху ему были хороши видны надвигавшиеся на город сумерки. Небо стало темнеть, улицы быстро опустели. Душная, палящая жара сменилась вечерней свежестью.

«Ну что ж, самое время прогуляться по родному городу», – решил Николай и, наскоро поужинав бутербродами с колбасой, вышел из подъезда.

Глава 2

В первом часу ночи хлынул самый настоящий ливень, хотя, как это часто бывает, синоптики его не обещали.

Оперуполномоченный уголовного розыска капитан Кононов подъехал на своем «жигуленке» к месту, где обычно жильцы дома оставляли свои авто. Небольшая заасфальтированная площадка метрах в пятнадцати от дома хорошо просматривалась из окон квартиры капитана.

В последнее время его частенько мучила бессонница: подойдешь к окну покурить – и вот она, «тачка» – как на ладони.

Но не старенькая «трешка» тревожила по ночам душу Кононову. Тут причины серьезней: куча затянутых уголовных дел и преступники, которые обнаглели в общении с операми. Только задержишь серьезного бандита, как тот успеваешь сделать короткий звонок по мобильнику, и как из-под земли появляется адвокат с влиятельными связями. Едва начатое дело рушится на глазах. А за взятку дают опасным преступникам срока не по максимуму, а по минимуму. И получается: ты все зубы сточишь, чтоб довести очередного авторитета до суда, а ему за серьезное преступление – год условного, и он через день уже норовит тебе в морду плюнуть.

Все это осточертело Валерию Николаевичу Кононову. А дома еще жена цепляется по мелочам, пилит за маленькую зарплату.

Сегодня Валерий Николаевич не устоял перед соблазном. Хотя, если начистоту, дельце, которое он «примял», было пустяковым. С таким и мараться позорно.

Пару дней назад отпрыск одного известного бизнесмена расквасил морду ветерану труда, когда тот развыступался в универсаме его папаша. Не обошлось без свидетелей. А горластый ветеран оказался хлюпиком: после удара в челюсть получил сотрясение и попал в больницу.

Кононов как раз в этот день дежурил в оперативной группе и выехал по звонку на место происшествия. Он все сделал, как в таких случаях положено: опросил потерпевшего, самого драчуна и свидетелей. А через пару дней к нему в кабинет заглянул папаша-бизнесмен и, напустив на наглую физиономию смущенную улыбку, положил на стол перед Кононовым заявление потерпевшего, написанное собственноручно, что травму головы он получил по собственной неосторожности.

– Валерий Николаевич, дорогой, вы уж войдите в положение. Все-таки – сын. Жалко мне его. Век буду благодарен вам, – взмолился бизнесмен, вытягивая из кармана конверт.

Кононов для вида протяжно хмыкнул, вспомнил, как жена пилит за зарплату. «Может, и в самом деле взять? Деньги нужны». Кононов еще пытался устоять перед соблазном, стараясь не смотреть на злосчастный конверт, сказал:

– Я, конечно, понимаю: вам сына жалко. Но и вы меня поймите. Есть свидетели. И потерпевший в больнице. Факты.

Бизнесмен на это справедливое замечание только рукой махнул.

– Валерий Николаевич, родненький. Бог с вами. Какие факты? Потерпевший уже дома чай пьет с женой. Позвоните, проверьте, – с ходу предложил нагловатый бизнесмен.

Кононов нашел в записной книжке домашний номер побитого ветерана, позвонил и услышал бодрый голос старикана. Позвонил в больницу врачу, тот сказал, что первоначальный диагноз поставлен неверно и ничего серьезного у старика нет. Обыкновенный ушиб. Валерий Николаевич тут же затребовал справку, и врач пообещал выдать. И у Кононова от сердца отлегло. Можно было смело брать конверт, в котором явно лежит не порезанная

бумага, а, скорее всего, зелененькие доллары. Но тут же капитан и помрачнел, подумав про свидетелей. Морока предстоит. А бизнесмен и тут успокоил:

– Да никакой мороки. Вот ихние объяснения, что ничегошеньки они не видели такого. Только то, как старичок сам упал. – И он положил на стол перед Кононовым три исписанных листа бумаги.

Капитан покосился на конверт.

– Ну что же, – протянул он. – Это меняет дело в корне. Я готов посодействовать. Оставьте заявку. Я ее зарегистрирую тем же номером. И объяснения оставляйте.

– Валерий Николаевич! Я вам так благодарен, – начал было изливать бизнесмен слова признательности, но Кононов остановил его.

– У меня сейчас много дел...

– Понимаю, Валерий Николаевич. – Он поднял обе руки и встал со стула. – Я уйду. Еще раз спасибо, – сказал бизнесмен и ужом выскользнул из кабинета. Он, кажется, так и не понял, что Кононову ужасно не хотелось видеть перед собой эту сальную рожу. И лишь когда за бизнесменом закрылась дверь, капитан облегченно вздохнул. Взял конверт, стараясь угадать, сколько в нем.

Оказалось – шестьсот долларов. Кононов тщательно осмотрел каждую сотку и спрятал в карман пиджака, а конверт выкинул в урну.

А вечером он завалился с молодой любовницей в ресторан и денег не жалел. Перед этим в разменном пункте поменял доллары на наши «деревянные», которые потом швырял направо и налево, удивляя молоденькую красавицу своей расточительностью.

Из ресторана он повез подругу в гостиницу «Орбита», где у Кононова был знакомый администратор, и тот любезно предоставил оперу на пару часов небольшой номер, из которого не хотелось возвращаться домой.

...Кононов запер машину и, не обращая внимания на проливной дождь, не спеша направился к подъезду. И за пару минут успел промокнуть до нитки. Но это ничего, даже неплохо – не будет пахнуть от одежды французскими духами. Главное, чтобы дуреха жена не заподозрила. Нюх у стервы – собачий.

Но что-то на сердце у Валерия Николаевича стало тяжело, чем ближе подходил он к подъезду. Он поднял голову, глянул на окна своей квартиры. Нет в них света. Значит, спит жена.

Кононов шагнул в темный подъезд.

Опять кто-то постарался вывернуть лампочку. Только успевай вкручивать. Утром уезжаешь – лампочка на месте, а вечером возвращаешься – пустой патрон.

Кононов выругался, споткнувшись о ступеньку, и прислушался. Показалось, будто услышал в темноте чье-то напряженное и чуть прерывистое дыхание. Словно затаился там кто-то. И капитан напрягся, вспоминая, сколько раз собирался купить специально для такого случая маленький карманный фонарик.

Он уже хотел спросить обычное в подобной ситуации – кто тут? Но увидел тень. Человека, как будто приготовившегося к броску. Сделалось неприятно и страшно. Страшно от этой проклятой темноты и от присутствия того, кто в ней прячется.

И капитан Кононов вдруг впервые испытал чувство, которое никогда не испытывал раньше. Чувство неотвратимой неизбежности смерти. Своей смерти. Ноги его окаменели, а руки повисли вдоль туловища, как плети. И вдруг кто-то прыгнул к нему, а еще он увидел замах руки над своей головой. Успел поднять глаза вверх и прямо над собой увидел тусклое лезвие широкого топорика, каким обычно хозяйки рубят на кухне мясо.

Глухой удар. Брызги крови – на пол, на потолок, стены. Грохот падающего на пол грузного тела капитана.

Невыносимая боль мгновенно разлилась по всему его телу, парализуя нервные окончания.

Он слышал частые удары сердца, и они ему казались оглушающими ударами огромного колокола, отсчитывающего последние секунды его жизни.

Кононов уже был мертв, когда в подъезд влетела парочка влюбленных: парень и девушка в короткой юбочке.

В темноте парень споткнулся о лежащий на полу труп и чуть не упал. Выручила девушка. Она вовремя схватила его под руку. Парень выругался и достал зажигалку.

Маленький огонек выхватил из темноты труп человека в милицейском кителе с разрубленной головой. Остекленевшие глаза уставились куда-то, словно там видели что-то такое, чего не могли видеть ни парень, ни девушка.

Девушка вскрикнула, но парень своей пятерней закрыл ей рот.

– Чего орешь, дура? – засипел он ей в самое ухо, боязливо поглядывая в темноту. – Не видишь, что ли, он мент.

– Вижу, – шепотом ответила девушка. – Я его знаю. Он в этом подъезде живет. Я много раз его тут видела.

– Все равно не ори. У ментов работа такая, что их мочат, как собак. Вот и этого кто-то замочил. – Парень опять осветил на труп. – Хана ему. Башку раскроили. – Он брезгливо поморщился. Такого обилия крови ему еще не доводилось видеть.

– Давай лучше уйдем отсюда. Я боюсь, – произнесла девушка тихо и выскочила на улицу. Парень побежал следом.

Водитель рейсового автобуса номер восемь уже заканчивал смену и ехал в автобусный парк. Сегодня заканчивалась его рабочая двухдневка. Они с напарником работали на одном автобусе по два дня с пяти утра до часу ночи. Конечно, было тяжело. За две рабочие смены так измотаешься, что за последующие выходные едва успеваешь отдохнуть.

Но сейчас – все: «Икарус» он загонит на территорию парка, и можно с охранником осушить поллитровочку. И для этого дела он уже припас в бардачке бутылку водки. А потом дежурный автобус отвезет его домой. И пропади все пропадом на двое суток.

Повернув на улицу Радищева, водитель «Икаруса» увидел человека, шагающего под дождем по проезжей части. Еще подумал: «Вот раздолбай. Дома ему не сидится в такую погоду».

Сначала появилось злое желание окатить его из лужи, чтоб не шлялся ночью по дороге. Объезжай тут его. Но потом стало жалко бедолагу. Водитель остановил автобус и открыл передние двери.

– Залезай в автобус. Чего по ночам под дождем бродишь?

Человек не заставил себя долго упрашивать, запрыгнул в теплый салон.

– Спасибо. Но, вообще-то, мне тут недалеко. Выходить через остановку, – сказал он, поглядывая в окно, чтоб не проехать.

– У парка, что ли?

– Да.

– Ну, так я подвезу. Все равно мимо еду, – сказал водитель и посмотрел в зеркало на мокрого пассажира. Уж слишком дисциплинированным оказался тот: подошел к компостеру и продырявил талон. А когда повернулся, водитель узнал в нем того, утреннего пассажира, который первым вошел у железнодорожного вокзала.

«Ну точно он. Только одежду сменил и без сумки. И чего он по городу ночью под дождем ходит?» – подумал водитель озабоченно, но спрашивать у пассажира не стал.

Когда пассажир стал выходить из автобуса, он обернулся и посмотрел на водителя. Взгляд внимательный, изучающий. Вот и подвези такого. Сам не рад будешь. Чего он тара-

щится? Не моргнет даже. «Чего смотрит, снайпер хренов, – съехидничал водитель, с неприязнью поглядывая на ночного пассажира. – Знал бы, ни за что не подвез. Пусть бы пешочком топал по дождю».

Николай тоже узнал водителя, но вида не подал.

Ночной пассажир ухмыльнулся и вышел на остановке, а водитель закрыл двери и быстро погнал автобус, поглядывая в зеркало на стоявшего под дождем человека.

А Николай еще долго стоял под козырьком остановки, потягивая сигарету. Немного омрачил его хорошее настроение этот странный водитель. Смотрел так, будто целый день только и думал о нем. Это, по мнению Николая, было плохо. А главное – не нужно ему: может настучать ментам, если что. И когда он поглядывал на удаляющийся автобус, показалось ему, что водитель вытянул шею и даже обернулся. Автобус, прежде чем свернуть на перекрестке, притормозил, и водитель действительно выглянул в окно. Но на автобусной остановке уже никого не было.

Глава 3

Начальник уголовного розыска майор Рябцев был в плохом настроении. Поднятый ранним утром по звонку дежурного, он вместе с оперативной группой и следователем прокуратуры выезжал на место убийства капитана Кононова, но даже после тщательного осмотра не нашел ничего такого, за что можно было бы уцепиться. Среди многочисленных следов, оставленных жильцами подъезда, следы убийцы затерялись. И привезенная кинологом собака, покрутившись по площадке, села у подъездной двери, показав тем самым свою беспомощность.

Труп капитана Кононова обнаружила пожилая женщина с первого этажа. Она работала дворником в местном жэке. Но, вместо того чтобы своевременно позвонить в милицию, сердобольная гражданка, признав в убитом Кононова, побежала к его жене, попутно успев оповестить о трагической новости всех жильцов подъезда. А те уже, в свою очередь, успели и наследить, и оставить отпечатки на дверной ручке подъезда.

Опера, как и положено, взяли объяснения и с дворничихи, и со всех соседей, но это ровным счетом ничего не дало. Никто ничего не видел и не слышал.

И жена Кононова не смогла ничего прояснить по факту гибели мужа. Кажется, она и в смерть-то его не могла поверить. С вытаращенными, полными безумия глазами, со всклокоченными волосами, вмиг постаревшая, она сидела на коленях возле трупа и тихо плакала, словно стесняясь своих слез при таком скоплении народа.

Ни сам майор Рябцев, ни опера не понимали, за что могли убить Кононова. Особенно бросалась в глаза та тщательность, с которой подготовился убийца к преступлению. И погоду выбрал подходящую, заведомо зная: дождь сделает свое дело. Просчитал все. И даже то, что первыми труп обнаружат не милиционеры, а кто-то из жильцов и успеет изрядно наследить.

Рябцев злился, понимая, что случайным это убийство никак не назовешь. И теперь вся надежда на агентуру. Может, кто-то из блатных в пьяном угаре ляпнет про Кононова, и тогда только остается надеяться, что слух дойдет до оперов. А может и не дойти, потому что в последнее время работа с агентурой в отделе ослабла.

Проведенная в тот же день экспертиза дала заключение о рубленой ране остро отточенным предметом, что Рябцева сразу навело на мысль о топоре. Эксперты замерили длину раны, и долго голову ломать не пришлось.

– Топор, – авторитетно заявил майор Рябцев, указав на фотографию головы Кононова.

Сидевший рядом капитан Осянин тоже посмотрел на фотографию и вдруг сказал:

– Точно. С широким лезвием и короткой ручкой в пластмассе. У меня недавно такой же теща купила в хозмаге.

– Кухонный топор, говоришь? – сразу заинтересовался Рябцев. Такие кухонные вещицы он тоже видел не раз. Малогабаритные топорики были не только удобны для использования на кухнях. Их брали в туристические походы, на рыбалки. Крепкая сталь хорошо держала заточку. И как оружие можно вполне использовать. Потом легко спрятать под одеждой. И защититься от такого топора намного сложнее, чем от ножа. Поставь руку в блок, так он враз тебе ее оттяпает. Уж слишком острое лезвие.

– Где, говоришь, твоя теща топор купила? – спросил майор у капитана Осянина, размышляя: «Может, это как раз тот случай, когда и убийца приобрел оружие в том же магазине. А, чем черт не шутит!»

– Да в хозмаге. На улице Маркса. Магазиныч небольшой, но товара там всякого полным-полно. Я там был вчера. Видел такие топорики. Лежат еще. – Осянин всерьез увлекался садоводством. В отделе это знали. И сейчас он заикнулся было о новинках по части удоб-

рений, которые он высматривал в хозмаге, но Рябцев остановил его. Майор не любил ковыряться в земле. Да и не время было сейчас болтать на посторонние темы. В морге лежит капитан Кононов с разрубленной головой. И начальник уголовного розыска сказал:

– Подожди, Юра. Как-нибудь потом. А сейчас бери машину и дуй в этот хозмаг. Опроси всех в магазине. Когда пришла партия этих топоров? Сколько штук продано? Покупали ли эти топоры подозрительные личности? Может, продавцы что-то и заметили. Торгаши целый день за прилавком. Уж чего-чего, а память на лица у них должна быть отменная. Заодно узнай и в других хозяйственных магазинах. Может, там тоже такие же топоры есть.

– Хорошо, – с покорностью ответил Осянин и тут же выскочил из кабинета выполнять поручение начальника.

Именно эта покорность больше всего не нравилась Рябцеву в капитане Осянине. Уж слишком безропотный тихоня. И на работе, и вообще по жизни. А настоящий опер должен быть напористым, зубастым и даже наглым. Иначе не потянуть сложные дела. Так считал начальник уголовного розыска майор Рябцев, вдальблывая эту мысль и своим подчиненным.

После обеда служака Осянин вернулся с кипой бумаг, которые положил сразу же майору на стол.

– Ну что, Юра? Чем порадуешь? – спросил Рябцев, глядя на усталое лицо капитана.

– Значится, так, – начал докладывать капитан. – Партия этих топориков поступила к ним в июне. Почти за два месяца из трехсот штук они продали только сорок.

– Немного, – произнес Рябцев как будто с удивлением, вчитываясь в отчетную справку, которую Осянин уже успел накатать. – Не идет товар?

– Не очень. Они теперь и сами жалеют, что так много завезли.

– Подожди. А в других хозмагах ты был?

Чтобы избавить начальника от ненужных сомнений, Осянин тут же отрапортовал:

– В другие магазины такие топоры не поступали.

– Ты проверил?

– Так точно. Обзвонил все хозяйственные магазины.

Кажется, майор успокоился, удовлетворенно кивнул головой и сказал, изобразив на лице скупую улыбку:

– Ладненько.

Осянин это воспринял как разрешение для продолжения доклада и продолжил:

– Значит, по хозмагу. Как я уже доложил, продали всего лишь сорок таких топоров. – Капитан заглянул в свой блокнот, где сделал записи по магазину на улице Маркса. – В основном эти топоры берут женщины для домашних нужд. Но вот вчера...

Рябцев поднял на капитана глаза, в которых застыл немой вопрос. А Осянин словно играл на любопытстве майора. Не торопясь докурил сигарету, потушил окурки в пепельнице. И все это время майор терпеливо ждал, когда капитан удосужится продолжить.

– ...Одна продавщица припомнила: где-то после пяти часов к ним в магазин зашел человек и купил такой топорик.

– Так, так. Человек, – медленно повторил Рябцев, раздумывая над тем, что произнес капитан. Если еще получить и приметы того человека...

– Какой человек? Как он выглядел?

Осянин только развел руками.

– Александр Павлович, вся закавыка в том, что не разглядела его продавщица.

Рябцев от досады протяжно вздохнул.

– Не разглядела, – раздраженно заговорил майор. – Приходит человек. Покупает у нее топор, а продавщица на него не смотрит. Идиотизм! За который, между прочим, не мешало бы ей по заднице хлопнуть. Ты не хлопнул? – с серьезной миной на лице задал майор вполне шуточный вопрос Осянину.

И Осянин шутку принял.

– В следующий раз обязательно нахлопаю, – ответил он. – Свое невнимание к этому покупателю продавщица объясняет так: после конца смены на заводе к ним в магазин ввалилась толпа. Как раз людям выдали зарплату. Ну, тут только успевай башкой крутить. Этот мужик попросил кухонный топорик. Он даже его не смотрел. Заплатил деньги за него и ушел.

– Ясно. Все-таки эта продавщица – растяпа. Вот смотри... Днем в магазин заходит мужчина. Покупает топор. А ночью совершается убийство офицера милиции. Причем по нашему предположению – топором. Экспертиза, между прочим, дала заключение о наличии в полости раны технической смазки. Той самой, которой на заводе смазали эти топоры, чтобы не ржавели, валяясь на складах. Надо будет сделать сравнительный анализ. Но я думаю, он будет один к одному технический вазелин. Юра, надо еще раз съездить в этот магазин, для анализа взять несколько мазков технического вазелина с тех топориков и сдать их на экспертизу.

– Сколько? – решил уточнить капитан.

– Ну хотя бы с топоров пяти, шести, – не задумываясь ответил Рябцев. Сейчас ему побыстрее хотелось выпроводить капитана, чтобы остаться одному.

Когда Осянин ушел, майор достал из шкафа распечатанную бутылку коньяка и налил целый стакан.

Глава 4

Первый раз Алена влюбилась, когда ей было пятнадцать с небольшим.

Каждый раз, встречаясь с Вадимом Павловым, Алена краснела от одного его взгляда. И в то же время ей нравилось, что мужчина намного старше смотрит на нее не как на сопливую малолетку, а как на молодую, созревшую и вполне привлекательную девушку. Когда он предложил ей покататься на новенькой, только недавно купленной «девятке», Алена с радостью согласилась, не предполагая, к чему такая прогулка приведет.

А привела она их за город в небольшую березовую рощицу. И что особенно запомнилось Алене: буйно цвела черемуха. От огромного, в белой пене куста, росшего в центре березового хоровода, исходил изумительный запах, вскруживший молодой девчонке голову до одурения.

Тогда Вадим нарвал ей огромный букет. Алена только смеялась, называя его ненормальным. Вдыхала аромат и чувствовала легкое головокружение, словно от бокала шампанского. Сказала об этом Вадиму, неосторожно прислонившись к нему.

Наверное, не следовало вести себя столь безрассудно. А Вадим понял это по-своему и вдруг от романтики сразу же решил перейти к конкретным действиям. Вдруг обнял Алenu и, не давая ей опомниться, стал жарко целовать в губы. Он упоительно шептал, не выпуская ее из объятий:

– Девочка моя! Любимая! Аленушка! Я хочу тебя, хочу!

Никто никогда не говорил Алене таких слов и вот так, по-взрослому, не целовал в губы. Ощущая себя в его объятиях трепещущей бабочкой, она совершенно не знала, что делать: ударить ли букетом черемухи по лицу и убежать или закричать? Потому что только сейчас поняла, что произойдет дальше.

Кругом лес, и вряд ли кто-то ее услышит. Значит, кричать – глупо и бесполезно. Только лишний раз выставишь себя малолетней дурой. И мысль о побеге Алена отбросила. До города не менее пятнадцати километров. И тогда она тихо попросила:

– Не надо. Прошу тебя, не надо. Давай вернемся в город. Прошу, Вадим.

Но он, кажется, не хотел и слышать о возвращении, млял ее в своих крепких объятиях, делая беспомощной. И опять целовал.

Алена все же сделала попытку вырваться, почувствовав легкий страх и стыд. Щеки ее пылали жаром. Не помнила даже, что говорила ему в этот момент, о чем просила. Все заглушали его ласковые слова. А Вадим без стеснения раздевал ее, помогая освободиться от одежды, ставшей теперь попросту не нужной. Сначала он довольно ловко снял с нее кофточку. Потом растегнул лифчик, дав волю упругим грудям. Как кот лизнул сначала один сосок, потом другой.

– Аленушка, лапочка! – шептал он без усталости. А потом шаловливые руки заскользили по талии к бедрам.

Легкое поглаживание по круглой попке заставило Алenu почувствовать в низу живота приятное дрожание.

Черт бы побрал этого Вадима. Ни за что бы Алена не поддалась, если б не была влюблена в него.

Он раздел Алenu. Оставались только трусики, которые девушка удерживала обеими руками, лежа на его замшевой куртке и тихо шепча:

– Только бы не это. Почему я досталась ему так легко? – Вспомнила, что в их классе уже большинство девчонок расстались с невинностью; причем рассказывали об этом без сожаления, как о чем-то ненужном, первоначально мешавшем им в общении с парнями. Теперь настала и Аленина очередь.

А его руки уже подобрались к ее паху. Медленно погладил сначала через трусики, потом между ног, по самому сокровенному, что так тщательно скрывала Алена от парней.

Она задрожала самым бесстыдным образом и закрыла глаза. Раз уж так получилось, то пусть будет как во сне. Но почему-то хотелось, чтобы этот сон длился как можно дольше. Не кончался скоро.

Вадим с силой разжал ее руки и рывком, даже несколько грубо стащил трусики и продолжил ласкать ее. И, лежа с закрытыми глазами, Алена вдруг нестерпимо захотела, чтобы он поцеловал ее туда, где сейчас трогал руками. Поцеловал и поводил языком. Сколько раз видела подобное в крутой порнухе, но вот пережить самой – это другое дело.

Голова Вадима лежала на ее животе. Дотронувшись до нее, Алена стала медленно подталкивать голову вниз к своему паху, одновременно широко раздвигая ноги, мысленно подгоняя его: «Давай, милый. Покажи мне, как это бывает. Ведь ты наверняка это делал с другими женщинами. А теперь сделай со мной».

Он оказался понятливым.

Его язык заскользил там, где девушке хотелось. Алена застонала и изо всей силы сжала ногами его голову. Не хотела, чтобы он остановился. Да Вадим, кажется, и не думал останавливаться.

Доведенная его ласками едва ли не до безумия, она даже не почувствовала боли, когда он в нее вошел. Только впиалась острыми ноготками Вадиму в спину, оставив на ней царапины.

Алена не помнила, сколько времени это безумие продолжалось. Может, час, а может, вечность. Она открыла глаза, почувствовав, как Вадим сползает с нее. Он упал рядом, разбросав в стороны руки, и долго лежал без движения, а Алена повернулась на бок, подперла голову рукой и с нескрываемым интересом смотрела на то, чем он только что орудовал в ней.

Потом они встречались с Вадимом едва ли не каждый день. Алене хотелось, чтобы их любовные отношения никогда не кончались. Пусть он женат. Алена на многое не претендует, отводя себе скромную роль – любовницы.

Родители, кажется, ни о чем не догадывались, предоставляя дочери полную свободу.

Но однажды случилось невероятное. Алена узнала, что ее любимого Вадима арестовали менты. И не где-нибудь, а прямо на его работе – плодоовощной базе, директором которой был Вадим. Оказалось, что он любитель не только молодых девочек, но и легких денег в виде взяток.

Вечером, за ужином, отец вдруг ошарашил, сказав, что сегодня задержали Павлова. Все сказанное предназначалось для матери. Но при этом отец мельком глянул на Алену и заметил, как побледнело лицо дочери. Он еще что-то говорил о предстоящем суде, на котором Павлову не избежать длительного срока.

Утром Алена ушла в школу пораньше, пока родители спали. Не хотела, чтобы они видели зареванное лицо с припухшими от слез глазами. Но Алена недооценила отца. Когда вышла на улицу, почувствовала нестерпимое желание обернуться. Алена поддалась этому чувству, глянула на свое окно и увидела отца. Он стоял у окна, курил и смотрел на нее.

Чтобы не расплакаться, Алена побежала. Сегодня он видит ее последний раз в жизни. Сегодня она покончит с собой. И неважно, как произойдет это. Главное – ее больше не будет на этом свете.

Об отношениях директора базы Павлова с его дочерью Алексей Викторович Ракитин узнал, как это бывает часто, совершенно случайно. Проезжая на машине по улице Декабристов, он увидел новенькую «девятку» цвета мокрого асфальта, а в ней директора базы Пав-

лова и свою дочь Алену. Поверить не мог. А они сидели и преспокойненько целовались, не обращая внимания на прохожих.

Ракитин так загляделся, что чуть не угодил в столб электрического освещения. Благо тормоза у «Форда», который он одолжил у своего заместителя по работе, оказались зверскими. В результате – всего лишь поцарапал бампер. Могло быть хуже.

В чужой машине, да еще за тонированными стеклами Алена отца не узнала и не стеснялась, лобзая тридцатипятилетнего директора базы. И это продолжалось почти полчаса.

Все это время Ракитин терпеливо сидел в «Форде» и ждал, чем еще закончится любовная игра его дочери и Павлова.

Закончилась она поездкой за город, в лес.

Ракитин не поленился проследить, а на другой день пожаловал к Павлову в кабинет, чувствуя себя оскорбленным и жаждущим мести, которая заключалась не в чем-нибудь, а в компенсации в пользу оскорбленной стороны двадцати тысяч американских долларов. Для бизнеса Ракитина как раз недоставало именно этой суммы. На улице Варшавской он приоткрыл вполне пригодное помещение для магазина, которое муниципальные власти были не прочь отдать ему за указанную сумму.

Но Павлов рассмеялся ему прямо в лицо.

– Не много ли ты хочешь за свою дочь? – нагло спросил он, позабыв о всяком приличии и даже не предложив Ракитину сесть.

Тогда Ракитин сам выдвинул из-за стола новенький стул, уселся на него и закурил, стряхивая пепел на расстеленный на полу ковер. Старался вести себя раскованней. Понял, с кем имеет дело. Такие люди уважают только наглость и напористость.

– Ты меня не так понял. Я вовсе не прошу, – сказал Ракитин, стараясь не показаться в глазах директора базы просителем. Пусть знает: он тоже не полунищий кооператор.

Павлов уставился на Ракитина наглыми глазищами и подвинул бронзовую пепельницу в форме орла с распростертыми крыльями.

– Я предлагаю тебе выплатить эти деньги за то, что ты трахал мою дочь. Между прочим, несовершеннолетнюю, – не поленился Ракитин напомнить возраст Алены. – Получается, ты ее совратил, склонил к развратным действиям.

Павлов слащаво улыбнулся и кивнул головой, как бы давая понять – пой, мол, дальше, у тебя хорошо получается. И Алексей Викторович решил от убеждений перейти к наступлению.

– Зря ухмыляешься, – сказал он угрожающе, – твои действия можно расценить и как изнасилование несовершеннолетней. А это, между прочим, уже другая статья. И срок побольше.

Павлов, гадюка, упорно стоял на своем.

– Ерунда, папаша. Дочка твоя отдалась мне по любви. Понял? И никуда ты заявлять не побежишь, фифан драный! Не гони мне тюльку. Заяву он понесет в ментовку. Клал я на тебя и твое заявление. Понял? Ничего у тебя не выйдет. Трахались мы с твоей Аленкой вчера. Она девка аккуратная. Наверняка подмылась. Так что, хрен ты докажешь. А если и попытаешься, хуже Алене сделаешь. Опозоришь ее только. Ни один кобель потом на ней не женится. А я найму хорошего адвоката и эти двадцать тысяч, за которыми ты пришел, отвалю ему и судье. И видал я тебя на кочане! Понял? Вали отсюда. А то я позову охранника и по хлебальнику получишь!

Ракитин был поражен, с какой решительностью Павлов произнес эти слова. А еще его разбирала обида. И дело было даже не в том, что Павлов оскорбил его, назвав фифаном драным, а в том, что прав он: дура дочь. Вечером просидела в ванной больше часа и тщательно подмылась. А он, Ракитин, оказался еще дурее. Надо было ехать к Павлову сразу, вечером, а не откладывать до утра. Бизнесмен хренов. Решил на дочке денег «срубить».

Но Ракитину не раз доводилось слышать, что директор базы Павлов нечист на руку. Сдавая свободные склады кооператорам, предпочтение отдавал в первую очередь тем, кто больше платит и не скупится положить на директорский стол сумму сверх оговоренной договором. И тогда директор по обоюдному согласию едва ли не вполтину занижал метражи помещений.

На другой день Ракитин нашел человека, который давно имел на Павлова зуб и мог дать в милиции показания о взятке. Дальше менты сработали четко. Пометили деньги, и, когда предприниматель вышел от директора с липовыми договорами, они вошли и надели на белые рученьки Павлова железные браслеты.

Но самым неожиданным оказалось то, что ровно через неделю директорское кресло в кабинете Павлова занял сам Алексей Викторович Ракитин.

Дома все недоумевали. Но Павлов через адвоката передал Ракитину записку, в которой писал, что наймет кого-нибудь и грохнут его. Обязательно грохнут. Пусть Ракитин не надеется на долгую жизнь.

После Вадима у Алены было много любовников, и так уж получалось, что все они были старше ее.

Засидевшись в дешевом ресторане, который в основном посещали по вечерам студенты и всякая безденежная шелупонь, Алена пошла на автобусную остановку. Когда-то, почти пять лет назад, в этот ресторанчик ее привез Вадим. И в нем по-прежнему все дешево: выпивка, закуска. И все так же уютно.

Вадим. Теперь Алена почти не вспоминала о нем. Разные слухи доходили до нее. Говорили, будто убили его на зоне. А кто-то даже пустил слух, что он сбежал, теперь где-то скрывается. Но Алена его в своем городе не встречала, а писем ей он не присылал. Все между ними также внезапно кончилось, как и началось. В семье был грандиозный скандал, который Алена с достоинством перенесла. А потом успокоилась и стала жить, словно ничего и не произошло.

Буквально перед самым носом Алены несколько наглецов вместе с девчонками-малолетками заняли три машины такси. А Алене не досталось. И по их милости пришлось топтать на автобус. Даже настроение испортилось.

Закурив сигарету, девушка медленно добрела до остановки.

Алена посмотрела в темный прогал между домов и увидела движущееся по тротуару черное пятно, которое постепенно принимало очертания человека.

Еще когда только вышла из ресторана, она обратила внимание на человека, стоящего возле стенда, на котором местные кинотеатры размещали рекламные объявления с названием фильмов. Видно, он кого-то ждал. Затем бросил сигарету и сделал вид, будто совсем не смотрит в ее сторону, но Алена видела, как, отвернувшись, он косился, наблюдая за каждым ее движением.

Потом, цокая каблучками по тротуару, она оглянулась. Тот человек так и остался стоять возле стенда. И Алене даже стало скучно. Может, он вовсе и не обратил на нее внимания? Может, его интерес вызывал кто-то другой, кого Алена попросту не заметила.

Уже отойдя довольно далеко, Алена обернулась еще раз. Того человека уже у стенда не было. Зато вдруг у нее появилось нехорошее ощущение, что тот незнакомец непременно следует за ней.

«Вот еще глупость какая-то, – попыталась она внушить себе уверенность, что ничего необычного не происходит. – Почему он должен идти за мной? Если б хотел, подошел сразу».

Она поглядела по сторонам. Раздражало безлюдие. Все как вымерли, даже ни одной влюбленной пары.

Алена посмотрела туда, где бесшумно двигалось черное пятно, и вдруг почувствовала легкий озноб.

«Черт! Почему не слышно его шагов? Я же не дура. И не слепая». – Она поспешила повернуться туда, откуда должен показаться автобус. Волнение все больше переходило в самую настоящую трясучку.

В какой-то момент Алена почувствовала за своей спиной легкий шорох. Она резко обернулась, крутанувшись на одном каблучке.

Чуть в стороне от нее стоял человек чуть повыше ее ростом, в спортивной куртке, брюках и белых кроссовках. Лица его она рассмотреть не могла – мешала проклятая темнота. Но показалось, он оскалился в улыбке.

«Чокнутый какой-то!» – подумала про него Алена. Никогда не нравились ей такие вот уличные наглецы. «Идиот! Не хватало еще, чтобы целоваться полез и обслонявил меня всю. Вот будет вино. Или, чего доброго, трипаком наградит. Но до секса, думаю, дело не пойдет. Пусть губы не раскатывает. Интересно, за кого он меня принял? Наверное, за проститутку. Иначе бы не поперся. Козел!» Она напрягла зрение. Показалось, будто у типа что-то не в порядке с головой. Покачивает ею из стороны в сторону.

«Ну, где этот проклятый автобус?» – в очередной раз подумала девушка, скосив глаза в конец улицы. Отвернуться от этого придурка не решилась. Кто его знает, что у него на уме.

Заметив, что он на шаг приблизился, Алена не выдержала.

– Слушай, тебе что, места тут мало? Стой спокойно. Я не хочу, чтобы ты приближался. Понял меня? Чего молчишь? – На всякий случай она отступила на шаг.

Голос его показался сиплым, но, возможно, он намеренно его исказил.

– Сейчас отвечу, – произнес он, подступив еще ближе.

– Эй, эй! Стой, где стоишь... – Алена не договорила, увидев, как он левой рукой чуть задрал спортивную куртку, а правой выхватил из-за пояса небольшой топорик с широким лезвием. И теперь это лезвие тускло блеснуло, нагоняя на девушку ужас.

– Слушай, ты что?.. – Кажется, эту фразу она прокричала, видя, как рука, сжимавшая короткую рукоять топора, взлетела над его головой.

В это время из переулка вырнула машина. Свет ее фар осветил автобусную остановку и две нелепо застывшие фигуры: девушку, чуть присевшую с насмерть перепуганным лицом, и мужчину в спортивном костюме с поднятой рукой, в которой был топор.

И опять Алена не увидела его лица, ослепленная фарами проезжавшей машины. Психопату с топором порция света досталась в спину. Не ожидавший такого, он быстро опустил руку, спрятав топор под спортивную куртку. Не хотел, чтобы случайные свидетели увидели момент убийства.

Но водитель, сидевший в легковушке, скорее всего, просто не заметил топора. И даже, когда Алена выскочила, бросаясь под колеса «жигуля», он не остановился. Объехав сумасшедшую девушку, размахивающую сумочкой, водитель только прибавил газа.

А псих рассмеялся.

– Знай, сучка, от меня не уйдешь! – И он опять вытащил топор.

Только на этот раз Алена не стала дожидаться, пока он приблизится. Она быстро скинула туфли, подхватила их свободной рукой и босиком побежала по дороге, где только что проехала машина. «Ну, урод! Попробуй, догони».

Он не ожидал такой прыти от девушки. Смеялся, радуясь ее незащитности и обреченности. Был уверен: она – его жертва. Теперь погнался следом, сжимая в руке топор.

– Все равно убью тебя, сука! Лучше остановись. На куски разрублю. – Он не произносил эти слова – рычал зверем. Скорее всего, от злости, а может, от досады, что не может достать ее.

Алена бежала изо всех сил.

«А может, он просто хотел попугать меня?» – пришла к Алене неожиданная мысль. Так хотелось в это поверить. Девушка обернулась. Может, отстал он?

Нет, непохоже, чтобы он решил ее только попугать. Кажется, его намерения куда серьезней. Он не отстал и, замахиваясь топором, пытался достать ее.

– Отстань от меня! Пожалуйста! – Алена готова была разрыдаться. – Я сообщу в милицию. Твое место в психушке. Придурок!

Он не ответил, только изрыгнул очередной набор фраз из матюков и угроз, пообещав все равно ее прикончить.

Впереди, с левой стороны, по тротуару шел человек. Сначала Алена не могла хорошо рассмотреть его и, только приблизившись, поняла – мужчина. Высокого роста, довольно широкоплечий. Такой сможет ее защитить. Но даже если он не захочет, Алена подбежит, вцепится в него, и никакая сила не оторвет ее.

– Стойте!

Теперь тот человек заметил несущуюся по дороге девушку. Он остановился, недоуменно уставившись на бегунью, и, кажется, не понимал, что заставляет ее нестись с такой сумасшедшей скоростью.

– Помогите! Пожалуйста! – задыхаясь, прокричала Алена. – Он... он гонится за мной с топором. Хочет убить. Понимаете? Убить! – Алена наскочила на мужчину, чуть не сбив его с ног, обхватила обеими руками и уткнулась лицом в его грудь. Лишь бы не видеть этого типа с топором. Ей казалось, что он уже совсем рядом, позади нее, приготовился для удара. Этот замах топора... Ничего ужаснее Алена в своей жизни не видела.

– Он меня преследует... Понимаете?

Мужчина ничего не понимал. Он покачал головой, принимая ее, наверное, за сумасшедшую. Произнес с иронией:

– Девушка, я что-то не пойму: от кого я вас буду защищать, когда, кроме нас, никого тут нет?

– Нет? – Алена не хотела верить. Ну как такое могло быть, когда только что за ней гнался псих? Угрожал убить и вдруг пропал, растворился в темноте.

Она обернулась.

Действительно, никого. «Вот это да, – думала она в изумлении. – Куда ж он делся? Как сквозь землю провалился».

– Не смотрите, пожалуйста, на меня как на дуру.

И незнакомец поспешил ответить:

– Я и не смотрю.

– Нет. Вы глядите на меня такими глазами...

– Наоборот. Мне кажется, вы вполне нормальная. Только чем-то уж очень напуганная. Но так бывает.

Алена хмыкнула, все еще подозрительно посматривая вокруг и на своего спасителя. Еще неизвестно, что он за человек? Ведь обычно все нормальные люди в такое время предпочитают отсиживаться дома перед телевизором, с женой, с детьми. А этот ночью шляется по городу.

– Еще бы. Будешь тут напугана, когда ни с того ни с сего тебя хотят убить.

– Так не бывает. – Он скроил недоверчивую гримасу. – Ну и где... где же ваш псих с топором? За каким деревом или кустом прячется?

– Не знаю. – Алена опять повертела головой по сторонам и показала на темные кусты. – Может, там... Темно ведь. Но он был. Я вам говорю правду. Бежал за мной от самой остановки. С топором. Увидел, что я подбежала к вам, и спрятался. Но я уверена, он где-то недалеко.

Стоящий рядом с ней мужчина улыбнулся и кивнул головой. В темноте Алена даже не могла понять по его лицу, поверил ли он ей. Может, ему просто нравится с ней болтать. Он достал из кармана зажигалку и сигареты. Когда прикуривал, Алена получше рассмотрела его лицо. Подумала, что, наверное, он нравится женщинам. Ведь каждой хочется иметь рядом человека, на которого можно положиться. Он, конечно, не красавец, но вполне симпатичный. Даже почему-то напомнил ей первую любовь – Вадима. И девушка вздохнула.

Свои сигареты лежали у нее в сумочке, но она решила спросить у него. Может, просто потому, что хотелось продолжить это неожиданное общение. И тут же поймала себя на мысли, что совсем не хочет, чтобы он ушел. Остаться одной, здесь...

Алена закурила и тут же закашлялась. А он усмехнулся.

– Мои сигареты не для дам. Я курю крепкие.

– Я это уже поняла, – откашлявшись, чуть с хрипотцой произнесла Алена. Даже от нескольких затяжек в голове появилось легкое головокружение. Докуривать она не стала.

– Вот что, – произнес он после некоторого молчания. – Я тут неподалеку – через два дома – снимаю квартиру. Если хотите, можем пойти ко мне... – Предложение было неожиданное. Воспользовался тем, что ей некуда деваться. В случае отказа она опять останется один на один с тем придурком.

«Все ясно, – вздохнула Алена. – Он принимает меня за ночную «бабочку». Ей всегда везло на приключения. Даже как-то свыклась с мыслью, что рождена она только для того, чтобы попадать в невероятные ситуации.

Она сделала вид, что все еще смотрит по сторонам, а сама покосилась на незнакомца. «А он вроде ничего. Черт его знает, может, и в самом деле пойти. Не думаю, что он обидит меня», – подумала она. Но на всякий случай решила попросить:

– А может, вы меня проводите до автобусной остановки? Родители, наверное, волнуются. Не хочется ненужных объяснений. – Про родителей напомнила не случайно. Пусть знает: если что, у него возникнут большие проблемы. Уж папашка постарается их организовать.

Он прикинул на взгляд расстояние до остановки, потом посмотрел на ровный ряд пятиэтажек, где через два дома находился его временный приют, и покачал головой.

– Нет, не хочу. До остановки метров триста. А вдруг там нас подкараулит тот, с топором?..

Алена уловила в его голосе насмешку. Нет, он не боялся того типа, держался уверенно. И она догадалась, он хочет заманить ее к себе. Мог бы сказать прямо, для чего, и не пришлось бы юлить.

Кажется, он угадал ее мысли и признался:

– Вы мне нравитесь. – Поднял голову и устремил взгляд в звездное небо, наверное, ощутив себя намного моложе тех лет, на которые выглядел. – Я не хочу вас отпускать в неизвестность. Ведь мы только-только встретились...

Алена молчала и хлопала глазенками, все еще размышляя над его предложением.

– ...А потом, у вас на ноге кровь, – указал спаситель на ее правую ногу. И когда только успел разглядеть?

Она и в самом деле чувствовала на правой ступне жжение. Посмотрела. Вот что значит бегать босиком. Успела порезаться.

– Действительно...

– Вот видите. Я не могу вас так отпустить. Пойдемте ко мне. Нужно срочно обработать рану, – настойчиво сказал он и взял ее за руку.

Алена сама не могла понять, почему не сопротивляется, не вырывает руку из его цепкой ладони.

– Может, мы хотя бы познакомимся? – предложила Алена, прежде чем войти к нему в квартиру.

Он отпер ключом дверь. Терпеливо ждал, пока она перешагнет через порог. Сказал, рассматривая ее красивое лицо:

– Если тебе этого хочется...

Алена едва не рассердилась. Посмотрела на него таким выразительным взглядом, что он сразу же произнес:

– Нет, ты не подумай ничего плохого. Это я так...

Но Алена решила: пусть не надеется, что она готова растаять перед ним. Заметила как бы между прочим:

– Сам подумай, как это выглядит со стороны. Я прихожу ночью в дом к мужчине и даже не знаю, как его зовут. Причем заметь: я не проститутка. А все, что со мной случилось, всего лишь стечение обстоятельств. Не более того.

Теперь в его тоне зазвучали нотки извинения:

– Ну что ты. Я и не считаю тебя проституткой. А к себе пригласил, потому что ты мне понравилась. Понимаешь, не знаю даже, как тебе это получше объяснить, но мне одиноко. Уж не знаю, поймешь ли ты меня.

– Постараюсь, если ты будешь откровенен.

– Я с тобой откровенен. Заходи, не бойся. Если ты не захочешь, я обещаю, что не прикаснусь к тебе пальцем.

Алена поверила ему, но почему-то подумала: «Дура. Ну, какая же я дура. Ну куда я лезу? Мало того что какой-то псих чуть не продырявил мне башку, так теперь окажусь в постели с незнакомым человеком. Интересно, чем все это закончится?» И она вошла в узкий коридор, заставленный мебелью.

– Ты так и не сказал мне свое имя, – напомнила она.

– Николай. Меня зовут Николай, – поспешил он ответить.

– А меня – Алена. – Она критично осмотрела загроможденный коридор и спросила: – Где у тебя ванна? Если ты не против, я бы хотела ополоснуть ноги. Знаешь, бегать босиком по асфальту – не очень большое удовольствие. Вот результат, – показала она раненую ногу, выставив ее вперед. У нее были длинные стройные ноги, совсем не худые. Для большего эффекта она старалась носить короткие юбки. Знала: при виде ее ножек мужики просто ахают. А ей чертовски нравилось их дразнить. Вот и Николай уставился. Алена усмехнулась: он так увлекся, что, кажется, забыл, о чем она спросила. Пришлось повторить:

– Так где ванна?

– Вот ванна, – показал он. – Проходи, пожалуйста.

Еще Алене показалось, что смотрит он на нее как-то странно. Уж слишком тщательно разглядывает ее лицо. Ну, с ногами еще понятно. Мужичье – все падкие на женские ножки. А тут уставился так, как будто раньше они встречались.

– Что ты на меня так смотришь, Николай? Что-нибудь не так?

Он замотал головой.

– Нет, что ты. Все в порядке. Просто ты поразительно похожа на девушку, которую я когда-то любил. Очень похожа.

– Даже так, – хмыкнула она.

– И фигурой похожа. Бывает же такое сходство. – Казалось, он и сам не верил, что люди могут быть так похожи.

Алена скинула туфли, оставив их возле входной двери, прохромала к ванной и, прежде чем войти туда, спросила:

– Интересно, что с ней стало потом? Ты женился на ней? Стрелялся на дуэли?

– Нет, – замотал он головой. – Не женился и не стрелялся. И вообще, знаешь, давай не будем об этом. Не хочу вспоминать.

Алена снова хмыкнула:

– Как знаешь. А вообще, ты какой-то странный человек. Слушай, а почему я тебя раньше не видела в городе?

Он сразу погрузился. Мог соврать, но не стал. Сказал:

– Меня не было в городе более двадцати лет. – В его голосе послышалась грусть. Алена заметила это. Она вошла в ванную, закрыла дверь, защелкнув задвижку. Почему-то всегда стеснялась своей наготы. Может, потому, что голая женщина совершенно беспомощна. А из головы не выходила та грусть, с которой он произнес последнюю фразу. И Алена, зная, что он стоит возле двери, решила подтолкнуть его к продолжению разговора.

– И теперь ты вернулся?..

Николай припал ухом к двери. Перед этим он успел обшарить глазами запертую изнутри дверь, сожалея, что нет щелочки и он не может подглядеть за красивой девушкой.

– Да. Я вернулся пару дней назад, – произнес он.

– А когда-то жил здесь? – Кажется, Алена не собиралась отставать, пока не узнает о нем все. Подождала, обмывая чуть вспотевшее тело брызгами душа. Он молчал. И тогда она заметила: – Ладно. Если не хочешь, можешь не отвечать. Разве это так важно? Но как-то романтично. – Она усмехнулась.

– Какая же тут романтика? В чем?

– А разве не так. Человека не было в городе двадцать лет...

– Двадцать с лишним, – поправил ее Николай. Для нее год, два, три – ничего не значат, но знала бы она, сколько раз мог он умереть за эти пару-тройку лет.

– Тем более, – продолжила девушка. – Он был в долгом плавании. И вот наконец возвращается и спасает от матерого убийцы девушку...

Николай усмехнулся. Алена услышала и не замедлила спросить:

– Ты что? Что-нибудь не так?

– Да нет. Насчет плавания – ты точно подметила.

Но, кажется, он так и не хотел верить, что за ней гнался убийца. А у Алены иссякли силы убеждать его. Она слышала, как он прошел в кухню.

Минут через десять Алена появилась перед ним, завернутая в большое махровое полотенце, как куколка, которая вот-вот должна превратиться в прекрасную бабочку.

И превращение это состоялось – прямо здесь, на кухне. Девушка подошла и, глядя ему в глаза, задала бесстыдный вопрос:

– Как я смогу отблагодарить тебя за спасение?

А через минуту уже таяла в его объятиях.

Они долго занимались любовью. В представлении Алены, это даже не укладывалось в пару часов. Только тогда Николай сумел удовлетворить свой аппетит, замучив девушку до изнеможения. Когда все было кончено, она призналась:

– Ну ты даешь. В какой-то момент мне даже стало страшно: вдруг ты затрахаеть меня. Такого ненасытного я еще не встречала.

Он улыбался, поглаживая ее по упругой попке. Это на нее всегда действовало возбуждающе, но сейчас она старалась подавить в себе всякое желание к продолжению секса. Но не устояла от соблазна, чтобы не спросить:

– Ты что, давно не занимался этим с женщинами?

Он нежно поцеловал ее во влажный от пота лоб, убрал с него прядь волос.

– С такой женщиной, как ты, – никогда.

Она понимала: Николай врет. Но было приятно от его вранья. И она, смеясь, спросила:

– Ну и как тебе? Понравилось?

– Очень. Очень понравилось. – Он сгрэб ее в охапку. Алене потребовалось немало усилий, чтобы остановить его.

– Я не могу больше. Честное слово. Ты что, хочешь, чтобы я умерла прямо под тобой? Этого Николай не хотел. Откинулся на подушку и потянулся к тумбочке за сигаретами. Алена вынырнула из-под одеяла.

– Мне надо идти. Остаться у тебя до утра я не могу.

– Родители будут волноваться? – произнес он без сарказма. Вспомнил, как два раза Алена упоминала про строгих родителей.

– Да, в общем-то, нет. Отец наверняка торчит с друзьями в ночном клубе. А мать уехала отдыхать. Вернется только через три дня.

– А может, все-таки останешься, – попросил он, хотя и не настаивал. Не имел на это права.

Она помотала головой.

– Извини, не могу. Не привыкла проводить целую ночь в чужой постели. Просто не смогу расслабиться и заснуть.

– Жаль. У нас с тобой все так хорошо получилось.

– Да, хорошо. Если хочешь, мы можем встретиться завтра. Я могу прийти к тебе. Только не подумай, я не навязываюсь. Просто в данный момент у меня никого нет и мне тоже одиноко.

– Аленушка? О чем ты говоришь? Я очень хочу, чтобы ты пришла. Пожалуйста... Я буду тебя ждать. Придешь? – спросил он с надеждой. Наверное, не перенес бы спокойно ее отказа. Но она пообещала:

– Я приду. – И зашла в ванную. А когда вышла, Николай уже стоял перед ней одетый.

– Почему ты в одежде? – спросила она, хотя сама догадалась. Всегда ценила в мужчинах внимание и благородство. А разве не благородно, если темной ночью он проводит ее?

– Я хочу тебя проводить. Если ты не будешь возражать.

Алена чувствовала себя безумно счастливой и не могла скрыть улыбку.

– Вообще-то я могу позвонить от тебя и вызвать такси. – Ей вдруг захотелось покапризничать, и чтобы он стал уговаривать ее. И тогда она сдастся.

– Нет. Я провожу тебя. – Николай стоял на своем.

– Ну, ладно. Пошли. Но это не близко. Я живу на другом конце города.

– С тобой я готов хоть на край света. – Кажется, он опять врал. Алена только смеялась. Ей было очень хорошо. Неприятные моменты, пережитые вечером, как-то сами собой отступили, забылись, и она, счастливая, шла под руку с Николаем. Черт возьми! Кажется, о таком мужчине она мечтала всегда...

Глава 5

Алена была права, когда говорила Николаю, что убийца не ушел и прячется где-то поблизости.

Обозленный тем, что девчонке удалось спастись, убийца юркнул в кусты, едва увидел на тротуаре высокого широкоплечего мужчину.

Дальнейшее развивалось не в его пользу. И убийца с сожалением понял: сегодня девчонке повезло. Она осталась живой.

Держа в опущенной руке топор, он тихо, по-кошачьи подошел к ним так близко, что хорошо слышал все, о чем девушка говорила тому широкоплечему.

В какой-то момент убийца обрадовался, когда широкоплечий хотел уйти, не поверив девушке.

Но, к огорчению убийцы, девушка вдруг пошла с тем человеком и не теряла бдительности и осторожности, поглядывая по сторонам. Хотя убийца и не помышлял напасть на ее случайного спутника. Почему-то чувствовал: тот человек сильнее. Он хотел свежей крови, но, как потерявший уверенность волк-одиночка, не последовал за ними, а только скрежетал зубами из своего укрытия.

Убийца пошел по тротуару, стараясь не выходить на освещенные места, повернул за угол ограды парка и замер, услышав голоса. Парня и девушки. Они о чем-то негромко разговаривали; наверное, уверенные, что в этот поздний час их никто не может услышать.

Легко перемахнув через ограду, убийца пошел на эти голоса, опустив руку с топором, но готовый ударить в любой момент.

Он подошел уже довольно близко. Привыкшие к темноте глаза остановились на высоких качелях-лодке. Парень и девушка занимались любовью в этой лодке. Он видел торчащие кверху две ноги девушки, голову и спину парня.

Убийца улыбнулся. Они не подозревали, что смерть рядом. Она ласкает их своими невидимыми руками, подводя к ним человека с топором, который сейчас исполнит ее волю. И он, приготовив руку с топором для удара, пошел к качелям, размышляя над тем, как они отреагируют, когда увидят его.

Проходя мимо дерева, густо поросшего сучками, он, заглядевшись на парочку влюбленных, чуть не напоролся на обломок сучка, больно ударившись грудью. И, разозлясь, со всей силы рубанул по нему топором.

Кажется, те, в лодке, услышали глухой удар топора. Девушка ойкнула, пытаясь выбраться из-под парня. Подняла свою коротко стриженную головку, выглядывая в темноту.

Убийца остановился и замер.

Девушка его не увидела.

– Подожди. Что это было? Ты слышал? Да перестань ты, наконец. Отпусти. – Голос ее зазвучал тревожно. Но на парня не произвел впечатления. Он не желал слезать с девушки.

– Да ладно тебе. Ну что ты ерзаешь? Давай продолжим. Я уже чуть не кончил.

– Подожди. – Девушка прислушалась, еще больше вытягивая головку из лодки. – Здесь кто-то есть. Я чувствую.

– Перестань. Никого тут нет. Раздвинь ноги. Не лишай меня приятных воспоминаний о тебе, – настаивал парень, пытаясь поцеловать в губы свою малолетнюю подругу, которой было не больше пятнадцати.

Парень был постарше. Коротко стриженный мощный затылок. Шеи не видно. Но убийце шея и не нужна.

– Нет. Не могу я. Не хочу больше. Мне страшно тут. – Теперь девушка не поддавалась на уговоры, и это разозлило парня. Он схватил ее за короткие волосы, встряхнув голову.

– Ты, кукла! Я на тебя весь вечер потратил. Целку из себя корчишь. Троих мог оттрахать...

Парень не видел, как из темноты появился человек с топором. Разгорячившись, парень схватил девчужку за ноги, положил их себе на плечи.

– А вот так я тебя, кукла, трахать буду. Натяну по полной программе.

– Не надо. Больно, – застонала девчужка слабым голосом. Но парень не слушал ее. И ничего теперь не сможет остановить его. А потом самое лучшее – проучить малолетку, набить ей морду.

Замах был стремительным. Парень даже так и не понял, что произошло. Топор рубанул по его голове, расколол ее как переспелый арбуз. Хлынула кровь, а парень стальной хваткой вцепился в щиколотки девушки, сжимая их до боли.

Секунду, две, три – парень точно замер над ней. И почему-то к ней пришла глупая мысль: «Если он мертв, почему не падает? Не выпускает мои ноги».

Наклонившись над парнем, убийца рванул рукой вверх, пытаясь освободить топор из черепа. И она только теперь поняла – злосчастный топор попросту застрял в черепе парня.

Еще одно движение со стороны убийцы, топор освободился. Рука, сжимавшая его, вскинулась вверх, готовясь к следующему удару. Она видела: топор с молниеносной скоростью летит прямо ей в лоб, и нет возможности уже отвернуть голову. Тяжелое тело парня придавило ее к днищу лодки.

Она почувствовала адскую боль, но ее утасующее сознание ощутило ни с чем не сравнимую легкость.

Убийца тщательно вытер кровь с топора об одежду парня, убедился, что они оба мертвы, и после этого так же внезапно исчез, как и появился.

Утром жители соседних с парком домов наблюдали, как группа приехавших милиционеров быстро перекрыла все входы и выходы в парк и из парка. Не пускали никого. Директор парка и двое его заместителей бегали от одного аттракциона к другому в сопровождении милиционеров, а возле качелей-лодки собралась толпа людей в штатском и важных милицеских чинов.

Потом на территорию парка въехал темно-зеленый фургон с поблекшими красными крестами на дверях, и трое здоровяков запахали в него трупы парня и девушки.

Дворники старательно вымывали струей воды из шланга кровь со дна деревянной лодки, присыпая ее хлоркой.

Милиция тщательно старалась скрыть случай убийства двоих молодых людей, но дотошные искатели криминальных новостей прознали об этом и с невероятной скоростью распространили по городу страшный слух. И события прошедшей ночи незамедлительно попали на страницы местной печати.

Глава 6

Ровно на тринадцать часов начальник уголовного розыска майор Рябцев назначил собрание всех оперов. Случай убийства в парке взбудоражил провинциальный город. Теперь даже днем родители боялись отпускать детей в парк. Поползли слухи, что в городе появился маньяк. Сначала от его топора пал капитан милиции, а следом за ним – несчастные парень и девушка.

По этому поводу в оперативном отделе отменили все отпуска и отгулы, которых у инспекторов накопилось немало.

А майора Рябцева буквально разрывали на части. Звонили все: из администрации города, прокурор, из редакции местной газеты и с телевидения.

Поговаривали, будто на начальника уголовного розыска было подготовлено представление о присвоении очередного звания, которое майор Рябцев, несомненно, заслужил. Но в связи с последними тремя убийствами, отличающимися особой жестокостью, вышестоящее руководство со званием решило повременить. Отчего майор здорово расстроился.

Рябцев опоздал на восемь минут, чего никогда с ним не случалось раньше. И все собравшиеся в его кабинете оперативники расценили это опоздание как нехороший знак.

А майор прошел к столу, сел в свое кресло и раскрыл папку, где лежал собранный материал по последним преступлениям. Потом мрачно оглядел свое доблестное войско и сказал:

– Итак, хочу вам напомнить: у нас три убийства при отягчающих обстоятельствах. Убит наш товарищ – капитан Кононов.

Рябцев вздохнул, прошелся взглядом по хмурым лицам оперов. Хотелось верить в нелепую, случайную смерть, но опыт подсказывал: здесь совсем иное. Хорошо подготовившись, убийца терпеливо дожидался капитана в подъезде. Возможно, они даже были знакомы. Теперь это осталось тайной, которую предстояло раскрыть им, оперативникам уголовного розыска.

– Пока остается непонятным, – признался майор Рябцев. – В кармане у капитана лежала приличная сумма денег. Но убийца не польстился на них...

– Палыч, а может, месть? – высказал предположение заместитель Рябцева, капитан Василенко. – Шпана в последнее время борзееет от безнаказанности.

Но Рябцев почти на сто процентов был уверен, что это не банальная месть оперу. На то указывал и случай убийства в парке девушки и парня.

– То, что подобные убийства стали происходить совсем недавно, наводит на мысль о приезде в город человека, способного на такие зверства. Раньше у нас было относительно спокойно. – Говоря так, майор не лукавил. Местный криминал уже давно легализовался, четко поделив город между собой. И если дело доходило до стычек, то этим уже занимался РУОП – организация весьма серьезная. Нет, убийства случались, но в основном на бытовой почве или в пьяной драке. Но чтобы вот так, как с Кононовым, с парнем и девушкой...

– Кстати, выборку сделали по тем людям, кто отбывал срок по убийствам и вернулся? – Майор не забыл спросить о поручении, данном лейтенанту Огольцову.

Лейтенант Огольцов вскочил со стула.

– Так точно, товарищ майор. Вот список лиц вернувшихся из мест заключения, – сказал лейтенант и подал майору лист.

Майор поднял голову и посмотрел на Огольцова тяжелым взглядом. О даже не стал задавать вопрос. Подчиненные, в том числе и молодой лейтенант Огольцов, понимали своего начальника с полуслова.

– У каждого из них надежное алиби, товарищ майор. Тут, как говорится, не придерешься. – В голосе молодого лейтенанта звучало сожаление.

Майор Рябцев, слушая лейтенанта, водил карандашом по каждой фамилии. Многих из вернувшихся эков майор хорошо знал. Поэтому приходилось соглашаться с Огольцовым; на подобные убийства никто из них не тянул.

– Вот что, Огольцов, – сказал майор молодому лейтенанту после некоторых раздумий. – Ты всех этих архаровцев держи под контролем. Так, на всякий случай. Может, все-таки кто-то из них...

– Хорошо, товарищ майор.

А майор уже стрельнул взглядом в угол.

– Осянин?..

Сидевший в углу капитан Осянин напрягся в ожидании очередного распоряжения. И Рябцев, остановив на нем свой тяжелый взгляд, сказал:

– Срочно проверить через наших людей все гостиницы; возможно, там появились подозрительные лица. Если таковые имеются, установить немедленно: кто, откуда? Наладить за ними слежку. И по каждому мне отдельную справку со всеми данными.

Рядом с Осяниным сидел капитан Захаров. В уголовный розыск он пришел вместе с Рябцевым, и обращение к нему из уст майора прозвучало более почтительным:

– Сергей Иванович, давай поработай с агентурой. Раз убийца появился в нашем городе, значит, не мог остаться незамеченным. И участковых надо подключить. Пусть побегают по дворам. Со старушками поговорят, с домохозяйками. Должен же этот убийца где-то ночевать, что-то пить, есть. И если он приезжий, не может остаться незамеченным. Если всем все понятно и нет вопросов, тогда – по коням!

Все оперативники загремели стульями, спеша побыстрее покинуть душный кабинет начальника уголовного розыска. Да и пообедать не мешало сходить. Последнее время – в связи с этими убийствами – работать приходилось на износ, а уж о нормальном питании и говорить нечего. Бутылка пива и пара бутербродов – вот основное меню всех сотрудников оперативного отдела.

Капитан Василенко – заместитель Рябцева, высокий плотный мужчина лет тридцати пяти – легонько плечом подтолкнул в дверь столпившихся оперов. Но сам выйти не успел. Рябцев произнес несколько озабоченно:

– Юрий Дмитрич...

Василенко с неохотой остановился. Уж хоть перекурить бы дал Рябцев.

– Задержись на пару минут. – Майор кивнул на стул, предлагая капитану сесть.

Майор покосился на дверь, как будто опасался, что кто-то из вездесущих оперов сейчас топчется возле нее, и чуть потускневшим голосом произнес:

– Думаю, дела у нас дрянь.

Такое откровение всегда и во всем уверенного Рябцева озадачило капитана Василенко. Всегда волевой, решительный майор, похожий на непробиваемую стенку, теперь показался капитану чем-то похожим на кусок пластилина.

– Ты что, Палыч?

– Читал о серийных убийцах?

– Кое-что читал, – уклончиво ответил Василенко и тут же спросил сам: – А почему ты спрашиваешь?

Рябцев понизил голос, чтобы за дверью их не могли подслушать:

– А потому и спрашиваю. Кажется, у нас появился один из них. Усекаешь, о чем я толкую?

Василенко не ответил, по-прежнему глядя в глаза Рябцеву. Он понимал, о чем говорит майор и чего не договаривает, но решил дать Рябцеву выговориться.

– Черт его знает, откуда он взялся и почему объявился у нас. Других городов, что ли, нету? Вот принесла нелегкая. Чувствую: что-то за всем этим кроется. Пока не могу понять только – что. Но одно могу сказать с уверенностью: крови он нам тут прольет много. – Майор замолчал. Минуту раздумывал, потом сказал: – Думаю, у него для этого есть веская причина. Возможно, что-то связывает убийцу с нашим городом. Вот сволочь! На такого мерзавца и пули не жалко. Словно узнал, что мы привыкли раскрывать легкие преступления, и решил нам преподать урок.

Капитан Василенко скроил философскую физиономию и сказал:

– Извини, но это всего лишь твое предположение, причем не имеющее конкретной мотивировки. Но в одном ты прав, мне кажется. Убийства будут повторяться. И человек, склонный к систематическим убийствам, может совершать их спонтанно. Плохое настроение. Депрессивное состояние. Не понравился человек, не дал закурить. А может убивать и под воздействием внешних факторов.

– То есть ты хочешь сказать: убийца психически нездоров?

– А почему бы и нет? Вряд ли нормальный человек решится на такие зверские убийства. Причем жертвами стали совершенно разные люди. Кононов – оперативник. Девушка, убитая в парке, – учащаяся десятого класса. Парень – местная «шестерка». И всех их он убил ночью. Он ходит, высматривает жертвы. Выслеживает.

– Возможно, ты и прав, – в раздумье произнес Рябцев.

– Вот что, Дмитрич, займись психолечебницами. У нас их на территории района – две. Побеседуй с врачами: может, у них на примете есть пациенты, склонные к убийствам. Особенно надо обратить внимание на тех, кто выписался. Или сбежал. Они ведь могут нам не сообщить. Такой псих на свободе, а они молчат, чтоб не подмочить репутацию.

– Немедленно займись, – пообещал Василенко и, взглянув на часы, поспешил покинуть кабинет Рябцева.

Глава 7

Едва такси остановилось у подъезда, Алена выскочила из машины, бросив водителю на сиденье две десятки. Он даже не успел ей напомнить, что не худо бы накинуть лишний червонец за спешку. Гнал машину по ее просьбе, как чумовой.

Водитель только раскрыл рот, а девушка уже хлопнула подъездной дверью, застучав каблучками по лестнице.

– Чокнутая, мать ее... – Таксист даже плюнул в открытое окно. Теперь ничего другого не оставалось, как уехать без надбавки.

А Алена влетела на пятый этаж и нажала на кнопку звонка. От нетерпения надавила еще и еще.

А когда Николай отпер замок, Алена толкнула дверь и, очутившись в прихожей, вместо приветствия сказала:

– Вот!

Николай ничего не понял. Все это было похоже на ураган: сначала торопливые звонки, потом девушка врывается и произносит слово, которое пока ничего не значит.

– Что случилось, Алена? – спросил Николай.

– Сейчас узнаешь, – пообещала девушка и достала из сумочки сложенную газету. Развернула ее перед лицом Николая.

– Алена, ты можешь нормально объяснить, что все это значит?

Кажется, Алену раздражало его нежелание понять то, что она пыталась ему втолковать. Личико сделалось недовольным.

– Милый, это свежий выпуск городской газеты. Помнишь, я тебе вчера говорила: меня преследовал человек, который гнался за мной и хотел убить?

Николай улыбнулся. Конечно, он помнил о вчерашних причудах девушки, но сейчас не хотел об этом говорить. Он взял девушку за руку, притянул к себе и поцеловал.

– Аленушка...

– Нет, нет. Ты сначала прочитай, – настаивала она. – Ты мне не верил? Думал, вру? А ведь Аленушки уже могло не быть, не окажись ты на той темной улице. Прочти, прочти.

И Николай сдался, взял из ее руки газету.

– Ладно. Я прочитаю. Только не сердись. Ладно?

– Не буду. Читай. Вот тут. – Алена ткнула пальчиком с накрашенным ноготком, и Николай увидел название статьи, пропечатанное здоровенными буквами, словно для слепых, – «Он убивает по ночам».

Николай прочитал. Статья ему не понравилась. Материал, изложенный корреспондентом отдела расследований, был устрашающим для слабонервных. Ни слова о преступнике, зато случившееся убийство в парке было расписано в самих жутких тонах.

Николай даже не стал дочитывать, скомкал газету и выбросил в мусорное ведро.

– Лучше никогда не читай такой чепухи.

Алена согласилась:

– Хорошо. Не буду. Но ты мне теперь веришь? Меня почему-то хотели убить. Странный человек. Он гнался за мной. А когда мы с тобой ушли, он пробрался в парк и убил там парня и девушку. Ему что, было все равно кого убивать?

– А-а, не думай ты об этом больше. Скорее всего, он – законченный псих. Просто постарайся поздно не появляться на улице одна.

Алена молчала и погрузившимися глазами смотрела на мусорное ведро, в котором лежала скомканная газета. А еще она с той же грустью думала, что, не попадись ей вчера Николай, в этой бы газете написали бы о ней. Вернее, о ее трупе.

Одна мысль о том, что ее вчера могли убить, приводила в дрожь. И как Николай так легко может говорить, чтобы она не думала о том, что произошло? Алена помнит об этом и даже дома при закрытых дверях не чувствует себя спокойно. А вот с Николаем ей хорошо. Можно отвлечься и даже забыть о страшном.

Девушка подошла, обвила руками его за шею и прислонилась лицом к его груди. Кажется, вот так простояла бы с ним целую вечность. Наверное, он тот мужчина, о котором она мечтала всегда; сильный, готовый защитить ее от всех бед.

Она даже не решилась спросить, есть ли у него семья. Вдруг он вспомнит о жене и больше не захочет Алену видеть. И тогда ей уже не будет так хорошо. Ведь ей все надоело в этой жизни, будничной и монотонной. А Николай – это что-то новое, что манит ее, притягивает.

Николай бережно обнял ее и нежно поглаживал по густым, чуть вьющимся волосам. Но молчал он недолго. Заглянув в ее печальное лицо, заговорил:

– Я только не пойму что-то...

– Чего? – Алена глядела доверчиво в его глаза. – Чего ты не можешь понять?

– Ты сказала, что, когда вышла из ресторана, видела возле стенда человека... Тогда получается: он выслеживал тебя.

Алена пожала плечами, грустно улыbnувшись.

– А может, это вовсе и не он был. Может, я обозналась. Да и вряд ли он выслеживал меня. – Теперь она сама себя пыталась успокоить, боясь надоесть ему. Очень захотелось, чтобы он поцеловал ее. Подставила губы, а когда Николай прикоснулся к ним своими губами, начала ласкать его так, как будто это все происходило у них в последний раз.

После того как они долго занимались сексом, Алена решила все-таки спросить о его жене.

– У меня нет жены. И никогда не было. Я один. Скитаюсь по белому свету.

Алена была готова расплакаться от счастья. «Боже мой! У него нет жены. Нет семьи. Как здорово».

– Один, по белому свету, – произнесла она и тут же добавила: – Это так романтично. А можно я буду с тобой скитаться? Как верный оруженосец с добрым рыцарем.

Николай сообразил, откуда она это взяла, и сказал:

– Во-первых, в отличие от знаменитого героя Сервантеса я не такой уж и добрый. А во-вторых, – времена мечей прошли. А то, чем пользуются современные рыцари, лучше всегда носить самому, чтобы иметь в нужный момент под рукой.

Его философское заключение заинтриговало ее. Алена просто не могла не спросить:

– Кто ты, Николай? – Она прекрасно поняла, что ставил он в противовес канувшим в историю мечам. Но почему он заговорил об оружии? Алена изо всех сил пыталась вызвать доброго рыцаря на откровенный разговор. Чувствовала: он многое о себе скрывает.

Он посмотрел на нее с нежностью.

– Считаю меня тем, кто никогда не причинит тебе боли, – ответил он полушутя и добавил: – А лучше – добрым рыцарем, который всю жизнь только и делает, что сражается за справедливость.

Алена выползла из-под простыни и, грациозно повернувшись набок, смотрела на него глазами, полными восхищения.

– Здорово, – не могла она скрыть своих эмоций. – Таких я еще не встречала. Чтобы вот так, всю жизнь сражаться за справедливость...

Он улыбнулся. Заложив руку под голову, лежал и задумчиво смотрел в потолок.

Глава 8

Сколько раз старший участковый инспектор капитан Грязнов убеждался в правильности солдатской поговорки «Поближе к кухне, подальше от начальства».

Вот сегодня задержался Грязнов в информационном отделе, решил проверить, не числятся ли за ним какие неисполненные заявления, и нарвался на заместителя отдела уголовного розыска капитана Василенко. Въедливый Василенко сразу, без лишних объяснений подкинул поручение.

– У тебя сколько улиц на участке? – спросил он Грязнова.

И у капитана сразу испортилось настроение.

– Пять улиц. Считаю весь Красноказарменный район. А почему ты спрашиваешь? – в свою очередь спросил Грязнов, хотя можно было и не задавать этот вопрос.

– Ты в курсе, что в городе совершено три убийства? – Заместитель начальника оперов словно издевался. И Грязнов даже немного обиделся. Вечно эти розыскники выпендриваются, ставят себя выше. Уж сказал бы прямо, чего надо, без всяких выкрутасов.

– Конечно. Нам на совещании всю информацию дают по всем преступлениям. И убийствам в том числе, – также язвительно ответил старший участковый инспектор.

Но, похоже, Василенко не обратил на это внимания, сказал удовлетворенно:

– Ну вот. Ты обойди все свои улицы, поговори с людьми. Есть предположение, что убийца появился в нашем городе недавно. Работаешь ты давно на участке, многих знаешь. Знаешь, с кем поговорить. И не тяни. Сколько тебе времени на это надо?

Грязнов сдвинул фуражку на затылок.

– Работа не тяжелая, но трудоемкая. У меня на участке больше пяти тысяч человек проживают. Думаю, за три дня сделаю. Конечно, всех мне не обойти. Но постараюсь охватить народу как можно больше, – пообещал Грязнов, заранее предполагая, что своим ответом озадачит заместителя начальника оперов.

– Понимаешь, у нас сроки...

– Так ведь и мы без дела не сидим. У меня в папке семь заявлений, которые я получил только сегодня. Их тоже надо исполнить в срок, – сказал Грязнов, но, спустя час уже топал выполнять поручение зама начальника уголовного розыска, сожалея о незавидной своей должности: «Им с Рябцевым нужна справка о проделанной работе? Будет. Пусть оба подавятся».

Обход Грязнов начал с окраины, чтобы потом, когда стемнеет, не месить там грязь. Дома там – рухлядь. Не сегодня завтра под снос пойдут, а пока в них живут люди, время от времени Грязнов обязан бывать там.

Опытный капитан знал, к кому нужно подойти, чтобы получить нужную информацию. На каждой улице у него проживало немало внештатных помощников.

– Никого подозрительного на улице не замечали? – повторял Грязнов то и дело поднадоевшую за несколько часов хождений фразу. Но на этот раз его помощники не оправдывали милицейских надежд и только разводили руками. Уставший от долгих и безуспешных хождений Грязнов начал уже сомневаться в успехе. Скорее всего, капитан Василенко хотел от него чистой отписки, а за усердие его никто не похвалит, не наградит. А сегодня, в половине девятого вечера по телевизору футбол – «Спартак» – «Динамо». Хотелось посмотреть. И так немного в жизни радостей.

Он уже хотел пройти к остановке, сесть на автобус и поскорее убраться отсюда, чтобы не опоздать к началу матча. Игра хороша, когда за ней наблюдаешь с самого начала. И пиво в холодильнике стоит, дожидается уставшего капитана.

Грязнов поправил фуражку и, лихо размахивая папкой, в которой лежали листы бумаги и бланки протоколов, потопал по тротуару.

– Товарищ милиционер! – услышал капитан позади женский голос и обернулся.

Увидел женщину лет пятидесяти пяти в цветастом халате, поверх которого на плечи она накинула большой платок. На ногах – домашние тапочки.

– Старший участковый инспектор, капитан Грязнов, – представился он, приложив руку к фуражке. – Слушаю вас, гражданка.

– Вот хорошо, что вы наш участковый. – Женщина подошла поближе и заговорила, понизив голос: – Вон в том доме, – кивнула она на старую двухэтажку, в которой, судя по выбитым окнам, уже давно никто не жил, – на втором этаже по ночам горит свет...

– Свет? – Капитан по привычке сдвинул фуражку на затылок и посмотрел на дом.

– Да. Вот уже вторую неделю. После двенадцати ночи.

Грязнов задумчиво хмыкнул.

Разбитые стекла в окнах. Входной двери в подъезде нет. И впечатление такое, будто крыша у этого двухэтажного сироты вот-вот рухнет. Да и откуда там может по ночам гореть свет? Привиделось небось гражданке. Примерно так размышлял старший участковый инспектор, водя взглядом по выбитым окнам. Только в одном маленьком окне на втором этаже стекло осталось нетронутым. На него и указывала женщина.

– Вон, в том окне. Видите?

– Вижу, – несколько приглушенным голосом ответил капитан.

– Там кто-то есть. Ночью смотришь: фитилек зажигается и час-полтора горит. А потом гаснет.

Было над чем призадуматься. Если б в дневное время, можно было бы предположить, что кто-то из ребятни решил полазить по развалюхе, а так...

– Может, бомжи там? Их сейчас из Москвы гонят. Летом им тут самая красота. Кругом – дачи, огороды, – пустился Грязнов в пространное объяснение. – И речка у нас протекает. Искупаться, постирать бельишко можно.

Но женщину, кажется, такое объяснение не впечатлило. Лицо приняло недовольное выражение. Ей показалось, что старший участковый инспектор просто не хочет заниматься этим вопросом. Она, скрывая возмущение, сказала:

– Ну, не знаю, кто там: нам от этого не легче. Боимся мы по ночам спать. Дома тут стоят, сами видите, один от другого близко. Вдруг эти бомжи подожгут этот дом. Стоит одному вспыхнуть, и вся улица выгорит. Вы бы глянули, кто там? Припугнули этих бомжей. Так-то они пусть живут. Они нам не мешают. Лишь бы огонь не зажигали...

Грязнов посмотрел на часы. До начала матча оставалось десять минут. И автобус только-только отошел от остановки, показав хвост.

«К началу матча теперь уже все равно не успею. Сходить, что ли? Глянуть?» – подумал капитан и сказал женщине:

– Сейчас я зайду туда, посмотрю. Не беспокойтесь. Если это не пацаны...

Женщина усмехнулась и махнула рукой:

– Да что вы, какие пацаны? Тут по всей улице старики да старухи остались.

– Ладно, сейчас зайду. Бомжей отправлю в приемник-распределитель. А за информацию – спасибо. Побольше бы нам таких сознательных граждан, – улыбнулся капитан и пожал смущенной женщине руку.

Он пошел к дому, на который указывала женщина. Чем ближе подходил к старой двухэтажке, тем тяжелее становились ноги. Странное чувство. Он вспомнил, о чем говорил ему капитан Василенко.

«А что, если этот преступник скрывается именно здесь? Улица – глухомань. Народу – не видать. Окраина города. И лес рядом. Если что – всегда уйти можно. – Капитан почув-

ствовал в душе некоторую тревогу, но тут же постарался успокоить себя: – Никого там нет и быть не может, а гражданке померещилось. Фонарь на столбе горит, а в оконное стекло старой двухэтажки отсвечивает. А она – фитилек. Чудачка». – Капитан усмехнулся и вошел в подъезд, но, прежде чем ступить на шаткую деревянную лестницу, прислушался. Будто услышал шорох – тихий, настороженный.

Капитан полез в карман форменного пиджака, где у него лежал маленький фонарик, работающий от двух пальчиковых батареек. Капитан всегда носил его с собой.

Он достал фонарик, включил.

Тонкий луч казался незащищенно слабым перед огромной темнотой пустого, давно заброшенного дома, провонявшего плесенью.

Грязнов медленно передвигал ноги, высвечивая фонариком каждый сантиметр своего пути. Шаг. Другой... И вдруг из темноты вспыхнули два настороженных глаза.

От неожиданности капитан вздрогнул.

На ступени лестницы сидела здоровенная откормленная кошка и, не моргая, как гипнотизер, смотрела на человека, посягнувшего на ее владения.

«У-у, зараза! Напугала». – Капитан облегченно вздохнул, втягивая в грудь тяжелый воздух, и цыкнул на лохматое существо:

– Брысь отсюда!

Кошка пробежала буквально под ногами капитана и скрылась в одной из комнат первого этажа.

На площадке первого этажа было четыре двери, но ни в одну из них Грязнов не пошел, хотя все же посветил фонариком на каждую. Немного смущало то, что все четыре были полуоткрыты.

Осторожно наступая на подгнившие ступеньки, он медленно поднялся на второй этаж. На площадке остановился. Тут тоже было четыре двери с полузатертыми номерами квартир. Грязнов посмотрел на каждую дверь, прикидывая, за какой из них находится то окно, на которое указывала женщина.

«Так, подъезд к дороге. Значит, вот эта... Тут окно». – Капитан остановился перед дверью, посветив на пол. Следов тут не разглядишь. На площадке полно грязи, мусора. Остатки старой мебели, какая-то обувь, брошенная посуда, которую хозяева не захотели увезти с собой, несколько окурков сигарет, докуренных буквально до фильтра.

Грязнов не поленился поднять один, поднес к носу.

«Ты смотри-ка – свежий. Впечатление такое, что кто-то докурил сигарету несколько минут назад». Грязнов тихонько толкнул дверь. Она открылась, но капитан вошел не сразу. Пару минут стоял и прислушивался, втягивая носом запах, потянувшийся из квартиры.

Пришлось посветить в коридор фонариком.

Вокруг на полу валялся разный хлам, среди которого капитану предстояло пройти, чтобы осмотреть всю квартиру. Осторожно наступая на половицы, капитан вошел в коридор. Справа от него оказалась еще одна дверь.

«Так. Вот та комната. Сейчас я медленно открою дверь и посмотрю. Только не надо торопиться, – подумал капитан. Он медлил, чувствуя, как лихорадочно бьется сердце. Капитан толкнул ногой дверь, сразу посветив в комнату фонариком. – Ну вот...» Тоненький луч осветил окно, а под ним старую тумбочку; на ней – самодельный светильник из пивной банки. Тут же лежали банка с недоеденными консервами, кусок колбасы и окурки сигарет.

Луч фонаря побежал по комнате дальше. У стены прямо на полу – матрас, а на нем лежит кто-то, прикрывшись старым, рваным одеялом.

Теперь Грязнов не сомневался, кто это мог быть. И уж бродяге не миновать приемника-распределителя. А условия там такие, что санаторием не покажутся.

«Вот он, бомжара. Как я и думал. И надо же, прижился тут, сучонок. Выжрал бутылку водки и дрыхнуть завалился. Сейчас будет тебе сюрприз. Тихонечко подойду, откину одеяло и кулаком в рожу, чтобы не забузил спросонок». Грязнов шел едва ли не на цыпочках, чтобы раньше времени не разбудить спящего под одеялом. Не ожидает он, бедолага, что его ожидает. Грязнов подошел. Особенно низко наклоняться не стал. Вдруг у того под боком нож. А капитан его кулаком достанет. Ручищи у него длинные. Да и силушкой бог не обидел.

Грязнов вытянул руку, двумя пальцами взялся за угол замусоленного одеяла. Противно капитану. Небось все одеяло в клопах. И пованивает чем-то из-под одеяла. Тошнотворный запах.

«Ладно. Пора будить этого квартиранта», – решил Грязнов и резко откинул одеяло. Приготовил руку для удара, но тут же одернул ее, будто обжегся. Даже отскочил на шаг.

Под одеялом в целлофановом пакете лежал труп обнаженной девушки. По-видимому, ее убили совсем недавно – дня три-четыре назад – засунули в большой целлофановый пакет, завязали. Теперь труп интенсивно разлагался.

«Вот это да, – опешил капитан. – Женщина сказала, огонек светится. А что, если убийца и сейчас здесь?» – пришла к капитану немного запоздалая мысль. Он резко распрямылся, обернулся.

Но было уже поздно. От противоположной стены отделилась тень, движения ее были стремительными. Расстояние в три метра она пролетела в прыжке. Тут же Грязнов почувствовал удар по голове и потерял сознание.

Пришел в себя капитан после того, как почувствовал, что кто-то сильно бьет его по лицу. Открыл глаза и, как баран, покрутил головой, словно хотел проверить, на месте ли она после того удара, от которого он не смог защититься. Еще он услышал быстрые шаги. Кто-то выскочил из комнаты. А капитан увидел себя сидящим на стуле и прикрученным к нему скотчем. Воспользовавшись тем, что в комнате он остался один, Грязнов попытался разорвать скотч. Хотя бы на руках. Но не получилось.

«Сволочь! Он ударил меня». Капитан обвел взглядом комнату. Темно. Только от окна падает слабый свет. Сколько же времени он был без сознания?

Капитан тихонько застонал. Худшего положения он не мог себе и представить. Прикрученные к ножкам стула его ноги изрядно затекли. А еще – глаза. С ними и того хуже. Грязнов почти ничего не видел. Он силился разомкнуть веки, но не мог. Одного усилия тут оказалось мало.

Он опять услышал шаги и увидел тусклый свет фонарика. Тот, кто его ударил, уже воспользовался его фонариком.

«Ну погоди, сволочь! Я тебе покажу, кто из нас двоих владеет ситуацией», – подумал капитан, подготавливая себя психологически к встрече с неизвестным противником. Кто бы он ни был, Грязнова он не пугает. А это пеленание скотчем – нелепость, ничего дальше угроз, в крайнем случае избиения, не зайдет. Но уж потом капитан душу вынет из этого мерзавца. И пусть он не рассчитывает на приемник-распределитель. Его ждет холодная сырая камера в подвале ОВД.

И вот шаги уже совсем рядом.

Из-за темноты и припухлостей вокруг глаз Грязнов не видел лица вошедшего в комнату человека. Не мог его как следует разглядеть. Показалось, что он среднего роста и телосложения среднего. Вошел, гад, а на голове его, Грязнова, форменная фуражка. Словно в насмешку нацепил. Глянул на капитана.

– Ну как ты, очухался? – спросил он, хихикнув, у Грязнова.

«Я бы тебе, гад, похихикал», – невесело подумал капитан и ответил чуть хриплым голосом:

– Очухался. – Он попробовал все же приподнять тяжелые наплывшие веки. Надо было постараться запомнить того гада в лицо. «Нет, это не бомж. Он совсем не похож на бомжа. Тогда кто он?»

И опять – усмешка. Уверен: ничегошеньки Грязнов ему не сделает.

– А я вот сбегал, посмотрел: нет ли за тобой «хвоста». Теперь вижу – нет. Один ты сюда притопал. Ну и дурачок! Чего тебе не сиделось?

Грязнов не ответил. Только облизал пересохшие губы.

Пока, похоже, инициатива была на стороне незнакомца. И тот не скупился на слова.

– Хреновая у вас, ментов, работа. Ходите, как собаки, вынюхиваете. А жизнь такая короткая.

– Такая же, как у всех, – со скрытым намеком ответил капитан. Не худо бы и незнакомцу подумать о своей жизни. Однако интересно, что последует за всем этим пленением. Хотел бы Грязнов знать, но только чтоб руки и ноги были развязаны. Тогда бы уж капитан выяснил, что за человек перед ним.

Но, кажется, то же самое волновало и незнакомца. Он сказал:

– Кстати, не мешало бы тебе представиться. Кто ты?

В положении Грязнова отказываться было глупо. Да к тому же его служебное удостоверение лежало в кармане рубашки, и при желании незнакомец всегда мог его достать и посмотреть.

Капитан постарался придать голосу побольше твердости.

– Я старший участковый инспектор. Это мой участок.

– Понятно. Участковый. Большая шишка тут. Ходишь, воюешь с бабами. Наверное, тебе страшно хочется узнать, кто же я? А, капитан? Хочется? Не молчи!

– Да уж желательно бы. Хотя я догадываюсь.

– Он догадывается, – с сарказмом проговорил незнакомец и засмеялся, а Грязнову пришла на ум мысль, что перед ним психически нездоровый человек, да к тому же убийца. И поведение его лишний раз указывало на психическое отклонение. Он то вдруг садился на табурет, положив ногу на ногу, то вдруг вскакивал и ходил по комнате от двери к окну. Потом подскочил к Грязному, схватил его за волосы, наклонив голову.

– Тебя интересуется, кто я?

На этот раз капитан посчитал лучшим сыграть в молчанку. Не хотел лишний раз раздражать психа.

Но того уже понесло, и он заговорил сам:

– Кто я? Ну, скажем так, я – законченный неудачник. Это мои имя и фамилия. Устраивает такой ответ?

И на этот раз Грязнов посчитал лучшим промолчать. Но, как оказалось, это совсем не устраивало неудачника. И капитан тут же получил удар в челюсть.

– Чего ты молчишь? Сука! Мент! Не молчи. Ты здесь не для того, чтобы молчать. Понял меня? Я бы мог замочить тебя сразу. Так что лучше не молчи!

– Хорошо, хорошо. Я отвечу, – сдавленным голосом произнес Грязнов, чувствуя во рту солоноватый привкус крови. Он подумал: «Нет, ты не законченный неудачник. Ты – законченный псих!»

Незнакомец, кажется, успокоился немного, уселся на табурет и, прикрыв глаза козырьком милицейской фуражки, произнес самодовольно:

– Вот и правильно. Итак, начинаем допрос по всем правилам ментовской науки. Мой первый вопрос: зачем ты сюда приперся? Только смотри не ври мне. Не считай меня за идиота.

Грязнов тихонечко вздохнул и подумал: «О господи! Разве ты похож на идиота? Идиоты – безвредны, а ты – опасный псих, место которому в клетке для обезьян».

А неудачник, оскалась, уже торопил его с ответом. Видно, в его планы не входило ждать.

– Ты не понял моего вопроса. Жаль, – сказал он, достал из кармана перочинный нож, вытащил лезвие и ударил Грязнова в плечо.

Капитан почувствовал жгучую боль, застонал, изо всей силы прижимаясь к спине стула.

– Да ты что? С ума сошел? Прекрати!

Тот рассмеялся:

– Только не сейчас, капитан. С ума я сошел, появившись на этот свет. Но это уж, как говорится, не ко мне. Это к моей матушке, которая родила меня таким.

Он приготовился ударить еще раз, но капитан поспешил остановить его:

– Постой, постой. Успокойся. Я проверял паспортный режим. Понимаешь? Это входит в мои обязанности.

Но неудачник не поверил.

– Ты врешь, капитан. Считаешь себя умнее. А зря. – Он размахнулся и со всей силы ударил ножом Грязнова теперь уже в другое плечо.

Грязнов взвыл от боли, когда психопат поковырял лезвием в ране, стараясь причинить капитану как можно больше боли.

– Перестань, сволочь! Мне больно!

– Больно? Разве вас, ментов, не учат терпеть боль? – Он вытащил нож из раны, потрогал пальцем остро заточенное лезвие. – Капитан, боль обостряет чувства. Но сейчас я не хочу терять время на пустяки. Итак, я повторяю свой вопрос: зачем ты, ментовская рожа, сюда пожаловал?

Капитан облизал в миг пересохшие губы. Сил не хватало терпеть боль. «Урод! Он замукает меня. Придурок! Придется рассказать».

– Не бей больше. Я скажу. Меня послали...

– Послали? – Псих как будто удивился.

– Да. Послали, – уже тише произнес Грязнов. Почему-то все еще не мог он поверить, что все происходит с ним наяву...

Псих засмеялся, поигрывая перочинным ножом в руке:

– Вот видишь, капитан. Боль не только обострила твои чувства, но и освежила память. Ты – молодец! Продолжай, прошу тебя, не молчи.

Грязнов проглотил горько-солоноватый ком и сказал тихо:

– В городе совершено несколько убийств. Какой-то псих... – Капитан вдруг замолчал, не представляя, как отреагирует неудачник на слово «псих». Он не сомневался уже, кто совершал те убийства.

Но неудачник отреагировал на это слово внешне сдержанно, сказав:

– Продолжай, капитан.

– ...Он убивает топором. Опера считают, в город он приехал недавно...

– Правильно, недавно. Хотя в этом ваши опера правы. А скажи мне, дорогой друг, приметы этого психа у вас в ментовке есть? Только смотри: без вранья. Кишки выпущу. – Неудачник погрозил ножом.

Но теперь Грязнов и не помышлял о вранье. Единственное, о чем он думал, – остаться в живых и поскорее убраться отсюда, если, конечно, этот псих ему позволит.

– Нет, я и не собираюсь врать. Нет никаких примет. Он убивает без свидетелей. Поэтому нас, участковых, послали по городу: может, кто-то из людей заметил подозрительных лиц.

– А в этот дом ты зачем зашел? – уже несколько дружелюбным тоном спросил неудачник.

Грязнов медлил с ответом. Если выложить про женщину, он может не полениться сходить и прикончить ее. И капитан решил не выдавать женщину. Пусть этот псих делает с ним что хочет. Пусть. Он перетерпит. Но наивный капитан не знал, что, когда он разговаривал с женщиной, этот страшный человек стоял, притаившись, у окна и наблюдал за человеком в форме.

– Хотел проверить, нет ли в этой развалюхе кого подозрительного, – соврал Грязнов, рисуя в воображении, что за этим последует. Он покосился на труп девушки, упакованный в целлофановый мешок.

Неудачника его ответ огорчил.

– Врешь, капитан! Опять врешь. А ведь я же просил... – Он резко соскочил с табурета.

– Но я... – Участковый попытался объяснить, но псих сунул руку под спортивную куртку и выхватил из-за пояса небольшой топор с широким лезвием.

– Постой! Не убивай! – вскрикнул старший участковый, только теперь сознавая, что милицкий мундир не защитит его от смерти.

– Ты был прав, капитан, насчет убийцы. Это я!

Такое признание походило на приговор.

Глухой удар, и разрубленная голова капитана свесилась набок.

Ночью, когда еще весь город спал, из старого двухэтажного дома вышел человек с большой дорожной сумкой в руке. Он оглянулся назад, посмотрел на окно, за которым осталась пара трупов. Но он не жалел тех, кого пришлось убить. Жалел лишь о временном своем убежище. Укромное было место до тех пор, пока не появился мент.

Человек с сумкой мелькнул под тусклым фонарем, висящим на столбе, и быстро скрылся в темноте.

Об исчезновении капитана Грязнова узнали только через три дня. Сначала просто не придали значения тому, что капитан не вышел на работу. Потом посчитали, что Грязнов на больничном, и весь день названивали ему по телефону. И только на четвертый день поехали к нему домой, а соседи ошаршили, сказав, что все эти дни Грязнов не появлялся дома.

Тут же по городу были проведены оперативные мероприятия по розыску пропавшего сотрудника милиции, а последний день, когда видели Грязнова в управлении, разбирали буквально по минутам: с самого утра и до ухода капитана из здания милиции.

Начальник управления немедленно вызвал к себе майора Рябцева.

– Думаю, капитана Грязнова уже нет в живых, – сказал Рябцев.

Полковник Скоморохов и сам задумывался об этом все чаще и чаще. И это накануне приезда ответственной комиссии из главка.

– Необходимо как можно скорее найти тело капитана, – прозвучало как приказ.

Начальник управления полковник Скоморохов имел небольшую окладистую бородку и закручивающиеся на концах усы. На работе всегда появлялся в гражданской одежде и только в самых исключительных случаях – в форме. Сегодня как раз оказался тот исключительный случай, когда шеф пришел в форме. Еще Скоморохов курил трубку. Вот и сейчас, разговаривая с Рябцевым, старательно раскуривал свою неизменную трубку, которая многих в управлении просто раздражала.

– Вот что, Александр Павлович, – заговорил Скоморохов. – Как вы думаете, если взять всех оперативников и участковых и прочесать участок капитана Грязнова?

– Думаю, мысль хорошая, товарищ полковник, – согласился Рябцев. В самом деле, стоило ли распыляться по всем городу? Полковник прав – нужно сконцентрировать усилия на одном участке. По крайней мере пока.

– Начните от управления. Грязнова должны были видеть люди. К кому-то он заходил, разговаривал. Ищите. Пятый день, а мы не в курсе, где он находится. И так уже по городу нехорошие слухи идут. Я думаю, вы меня понимаете?

– Так точно. Понимаю.

– Никакой информации в прессу, – особо подчеркнул полковник. – Надоели эти желторотики. Лезут везде, а факты подают неправильно. Не в том виде.

Вернувшись к себе, Рябцев долго сидел один. Никто из его сотрудников не посмел потревожить майора. А через полчаса майор осмелился позвонить на местное телевидение и попросил прислать к нему сотрудника криминальных новостей, выходящих ежедневно по вечерам.

– Ты что, с ума сошел, – пытался его отговорить Василенко. – Скоморохов тебя в порошок сотрет. Ты же сам говорил о его распоряжении: никакой информации в прессу...

– Ну что делать? Что ты предлагаешь? – вопрос прозвучал с упреком. Василенко пожал плечами, потому что ничего не мог предложить.

– Я предлагаю тебе не лезть на рожон. Раз шеф велел искать...

– Значит, будем в дерьме рыться, – продолжил за Василенко Рябцев и усмехнулся.

– Ну а что делать? Ты ведь, Саша, знаешь, чем в нашей работе может обернуться инициатива. Особенно когда ты идешь против начальства.

Рябцев махнул рукой.

– Я знаю. Битый уже. Только и то, что предложил Скоморохов, ерунда чистойшей.

Василенко только хлопал глазами.

– Так мы будем еще неделю искать его, а время не ждет. Да и в каждую квартиру не заглянешь. А местные новости смотрят почти все горожане. Дадим сообщение о Грязнове и телефон. Если кто-то не желает с нами встречаться, пусть остается анонимным. Всякая информация будет рассматриваться. Пообещаем вознаграждение, – сказал Рябцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.